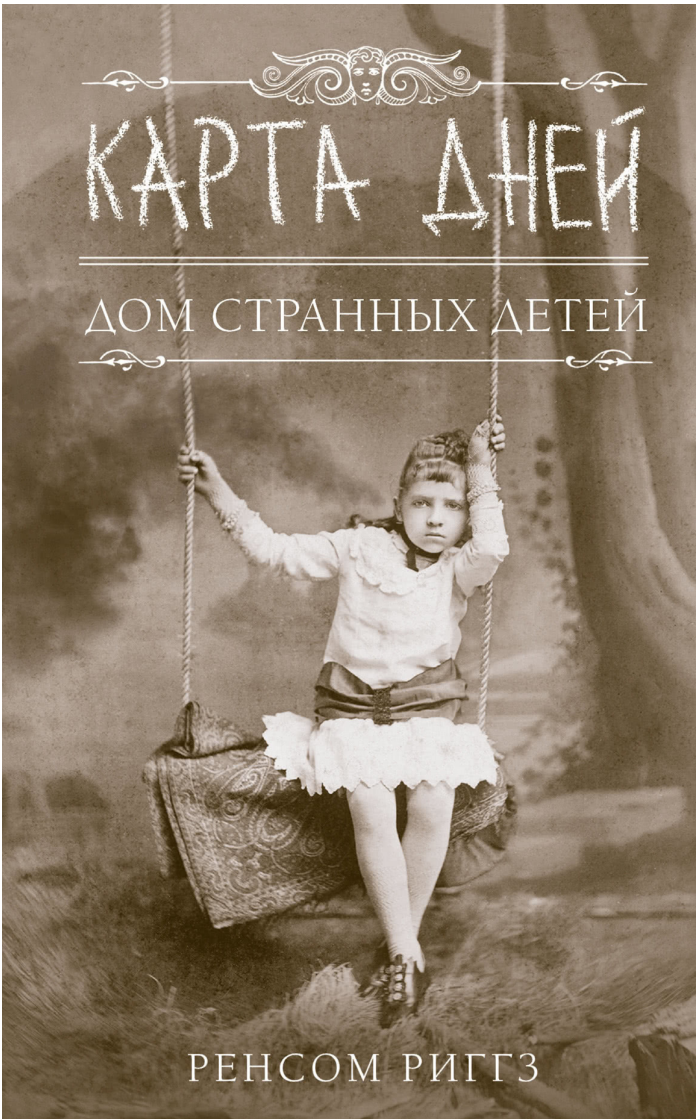
КАРТА ДНЕЙ

ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ



РЕНСОМ РИГГЗ

Ренсом Риггз
Карта дней
Серия «Мисс Перегрин», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39294267
Карта дней : [роман] / Р. Риггз: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111537-1

Аннотация

Справившись с чудовищной опасностью, едва не уничтожившей весь странный мир, Джейкоб Портман возвращается туда, откуда началась его история, – домой, во Флориду. Но теперь он не один, с ним мисс Сапсан, Эмма и другие его странные друзья, которые изо всех сил стараются вписаться в современную жизнь. Но беззаботные дни с походами на пляж и уроками нормальности продлятся недолго. Джейкоб получает опасное наследство и понимает, как много странного было в его жизни еще до того, как он вошел во временную петлю мисс Сапсан. Теперь ставки поднялись выше: судьба забрасывает Джейкоба и его друзей на дикие просторы странного мира Америки – мира без имбрин и почти без правил… Вернее, со своими особыми правилами, о которых наши герои не имеют ни малейшего представления. Перед вами новая великолепная глава из истории странных детей мисс Сапсан, полная новых чудес и опасностей. Иллюстрациями к этому удивительному

приключению в Америке разных эпох, как и к предыдущим книгам серии, служат причудливые и жутковатые винтажные фотографии, но в этой книге впервые использованы не только черно-белые, но и цветные снимки.

Содержание

Пролог 6
Глава первая 8
Глава вторая 55
Глава третья 108
Конец ознакомительного фрагмента. 148

Ренсом Риггз
Карта дней

Ransom Riggs
A MAP OF DAYS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis Literary Agency

Copyright © 2018 by Ransom Riggs

© 2018 by Chad Michael Studio
© А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Никогда не случалось мне сомневаться в здравости своего рассудка так часто, как в ту, первую ночь, когда женщина-птица и ее подопечные явились спасать меня от сумасшедшего дома. Потому что именно туда я и направлялся, сплющенный между двумя моими упитанными дядюшками на заднем сиденье родительского автомобиля, – как вдруг целая стена странных детей будто выпрыгнула прямиком из моих фантазий на подъездную дорожку впереди. Озаренные нашими фарами, они преграждали нам путь, словно ангельское воинство.

Мы с визгом затормозили. Вал пыли из-под колес скрыл все, что было впереди ветрового стекла. Уж не я ли сам вызвал это эхо, эту мигающую голограмму откуда-то из глубин своего разума? Мои друзья – и вдруг здесь, сейчас… да во что угодно будет легче поверить! Со странными детьми все кажется возможным, но в невозможность такого визита я до сих пор верил совершенно твердо – среди прочих, весьма немногих исключений.

Я сам решил оставить Дьявольский Акр. Вернуться домой, куда друзья не могли за мной последовать. Я надеялся, что там сумею свить воедино разрозненные ниточки своей жизни: нормальное и странное, обычное и необычайное. Еще одна невозможность…

Дедушка, помнится, тоже пытался сшить свои разные жизни вместе и потерпел неудачу, отдалившись в итоге и от нормальной семьи, и от странной. Отказавшись выбирать между двумя жизнями, он обрек себя на утрату обеих – и с минуты на минуту это предстояло и мне.

Между тем сквозь пыльное облако к нам шла некая фигура.

– Кто вы, черт подери? – спросил мой дядя.

– Алма ЛеФэй Сапсан, – любезно сообщила она. – Временно исполняющая обязанности главы Совета имбрин и директриса вот этих странных детей. Мы уже встречались раньше, хотя я и не рассчитываю, что вы вспомните. Дети, поздоровайтесь.

Глава первая

Если подумать, это очень странно – что разум может переварить и чему он сопротивляется. Я только что пережил самое сюрреалистическое лето, какое только можно вообразить: путешествия в прошедшие эпохи, укрощение невидимых чудовищ, влюбленность в застрявшую во времени бывшую подружку моего деда. Но только сейчас, в ничем не примечательном настоящем обычного флоридского городка, в доме, где прошло все мое детство, я обнаружил, что не в силах поверить своим глазам.

Енох развалился на нашем бежевом раздвижном диване и потягивал колу из папиного стакана с футболистами из «Тампа Бэй». Оливия расстегнула свои свинцовые ботинки, взмыла к потолку и теперь каталась, описывая круги, на вентиляторе. Гораций и Хью отправились на кухню: первый разглядывал фото на дверце холодильника, а второй – обшаривал территорию, ища, чем бы подкрепиться. Клэр, разинув оба рта, таращилась на гигантский черный монолит настенного телевизора. Миллард… скажем так, мамины журналы по декору интерьеров воспаряли с кофейного столика, сами собой открывались и шелестели страницами в воздухе, пока Миллард их просматривал; отпечатки его босых ступней виднелись на ковре. Такое слияние миров я воображал тысячу раз, но не смел и мечтать о нем. Но вот вам, пожалуй-

ста: мои До и После вдруг столкнулись с могучей силой, как две планеты в космосе.

Миллард уже попытался мне объяснить, как им удалось сюда попасть – судя по всему, невредимыми – и почему они больше не боялись задержаться в моем времени. Разрушение петли, чуть не прикончившее нас всех в Дьявольском Акре, перезапустило их внутренние часы. Как так вышло, он не очень разобрался, только понял, что в случае, если они пробудут слишком долго в настоящем, внезапное и катастрофическое старение им почему-то больше не грозит. Они просто станут взрослеть самым обычным образом, как я, – словно долг всех этих лет им неожиданно простился и они не потратили большую часть двадцатого века, проживая снова и снова один и тот же солнечный летний день. Без сомнения, это было настоящее чудо – беспрецедентный прорыв во всей истории странных людей. И все же оно удивляло и занимало меня и вполовину не так, как то, что они сейчас здесь, со мной, – что рядом стоит Эмма, прекрасная, сильная Эмма, и пальцы ее переплетены с моими, а сияющие зеленые глаза в изумлении разглядывают комнату. Эмма, о которой я так часто мечтал, которую видел во снах все эти долгие, одинокие недели, прошедшие со времени возвращения домой. На ней было приличное серое платье ниже колена и прочные туфли на плоской подошве, в которых, если что, и бегать можно, а волосы цвета песка были забраны в хвост. Когда от тебя долгие десятилетия зависят все и вся, поневоле станешь

практичной до мозга костей, но ни ответственность, ни груз прожитых лет не погасили девчоночьей искры, так ярко озарявшей ее изнутри. Эмма была одновременно и жесткой, и мягкой, кислой и сладкой, старой и юной. И то, что она была всем этим сразу, я больше всего в ней любил. Душа бездонной глубины…

– Джейкоб?

Оказывается, она уже некоторое время со мной говорила. Я даже попробовал ответить, но разум мой уже засосало в зыбучие пески грез.

Она помахала рукой у меня перед носом, пощелкала пальцами – большой заискрил, как кремень. Я вздрогнул и пришел в себя.

– Ой, – сказал я. – Прости.

– Ты куда уехал?

– Я просто… – я махнул рукой, словно убираю невидимую паутину. – Так здорово снова всех вас видеть!

Собрать в охапку десяток воздушных шариков – и то проще, чем закончить такую фразу.

Ее улыбка не сумела скрыть некоторой озабоченности.

– Я понимаю, это очень странно, что все мы вдруг вот так к тебе заявились. Надеюсь, для тебя это не стало таким уж большим потрясением.

– Нет, что ты! Ну, ладно… есть немножко.

Я кивнул в сторону комнаты и всех, кто в ней был. Веселый хаос был постоянным спутником наших друзей.

– Ты уверена, что все это мне не снится?

– А ты уверен, что это не снится *мне*?

Эмма взяла мою ладонь и крепко пожала; тепло и твердость ее руки придали миру весомости.

– Сказать не могу, сколько раз за все годы я представляла, как приеду в этот городок.

Я на мгновение потерял дар речи, но потом до меня дошло. Ну, конечно… дедушка. Эйб же тут жил с пятидесятых – я помнил флоридский адрес на письмах, которые хранила Эмма. Взгляд ее слегка затуманился, словно она потерялась в воспоминаниях, а я ощутил совершенно неуместный укол ревности, и тут же его устыдился. Она имела полное право вспоминать прошлое и чувствовать себя не в своей тарелке от встречи наших двух миров. Совсем как я.

Тут в гостиную, словно торнадо, ворвалась мисс Сапсан. Она уже освободилась от дорожного плаща и осталась в изумительном пиджаке из зеленого твида и бриджах для верховой езды, словно и правда только что прискакала сюда верхом. На ходу директриса раздавала приказы.

– Оливия, немедленно спускайся! Енох, убери ноги с дивана!

В меня она ткнула пальцем и кивнула в сторону кухни.

– Мистер Портман, есть вопросы, требующие вашего внимания.

Эмма взяла меня под руку и составила мне компанию, за что я был ей чрезвычайно благодарен: комната пока так и не

перестала кружиться.

– Уже пошли обниматься? – бросил Енох. – Мы же только приехали!

Эмма резко вскинула руку и слегка прижарила ему прическу. Енох отпрыгнул и принялся хлопать себя по дымящейся макушке. Я рассмеялся, и смех, кажется, вымел паутину у меня из головы. Да, друзья были совершенно настоящие и действительно сидели у меня в гостиной. Более того, судя по словам мисс Сапсан, они собирались тут немного погостить. Познакомиться, так сказать, с современным миром. Устроить себе каникулы. Заслужили они, в конце концов, или нет небольшой отдых от разрухи Дьявольского Акра, ставшего им временным пристанищем – теперь, когда их гордый старый дом на Кэрнхолме стерт с лица земли? Разумеется, я был им рад и, более того, невыразимо благодарен за приезд. Но вот что теперь с ними делать? И с моими родителями и дядьями, которых сейчас стерегла в гараже Бронвин? Нет, для одного раза это было слишком, и я решил оставить вопросы на потом.

На кухне возле открытого холодильника мисс Сапсан беседовала с Горацием. Посреди нержавейки и прямых углов нашей современной кухни оба выглядели крайне неуместно, будто актеры, которые ошиблись съемочной площадкой. Гораций размахивал пластиковой упаковкой с сырными косичками.

– Но тут только странная еда, а у меня уже сотни лет во

рту маковой росинки не было!

– Не преувеличивай, Хью.

– А я и не преувеличиваю. В Дьявольском Акре сейчас 1886-й, а завтракали мы там. Я только что закончил инвентаризацию и, должен признаться, потрясен. Пакет пищевой соды, банка соленых сардин плюс коробка печенья ассорти с популяцией жучка. У них что, правительство ввело продуктовые карточки? Идет война?

– Мы берем еду навынос, – объяснил я, поравнявшись с ним. – Мои родители обычно не готовят.

– Тогда зачем им такая возмутительно большая кухня? Я могу сколько угодно быть опытным *chef de cuisine*[1], но не в состоянии приготовить что-то из ничего.

На самом деле папа увидел эту кухню в каком-то журнале по дизайну и решил, что она ему нужна. Цена была несусветная, но он пообещал, что научится готовить и станет закатывать для всей семьи баснословные званые ужины. Правда, после нескольких занятий по кулинарии все эти мечты – как и большинство других его планов – пошли прахом. Так что теперь огромная и дорогущая кухня использовалась в основном для приготовления замороженных обедов из супермаркета и разогрева того, что вчера доставили из ресторана. Впрочем, ничего этого я не сказал, а только пожал плечами.

– Уверена, в ближайшие пять минут ты от голода не умрешь, – заявила мисс Сапсан и выгнала Горация и Хью из

---

[1] Шеф-повар (*франц.*)

кухни.

– Итак, – продолжала она, поворачиваясь ко мне. – Вы сегодня что-то нетвердо стоите на ногах, мистер Портман. Вы себя хорошо чувствуете?

– С каждой минутой все лучше, – сказал я, слегка смутившись.

– Возможно, у вас легкие последствия смены петлевых поясов, – предположила она. – В вашем случае слегка отложенные, но тем не менее это абсолютно нормально для путешественника во времени. Особенно для новичка.

Она говорила, обращаясь ко мне через плечо, разгуливая по кухне и заглядывая в каждый шкафчик по очереди.

– Симптомы обычно самые разные. И давно у вас эти головокружения?

– Да вот с самого вашего появления. Но вообще-то я в полном порядке…

– А как насчет мозолей, мигрени, прободения язв? Имеются?

– Нет.

– Внезапные психические расстройства?

– Э-э-э… да вроде не припомню.

– Невылеченный синдром сдвига петлевых поясов – это вам не шуточки, мистер Портман, – сурово отрезала мисс Сапсан. – Люди от этого, бывает, и умирают. О! Печенье!

Она схватила с буфета коробку печенья, вытряхнула одну себе на ладонь и отправила в рот.

– Так. А улитки в утреннем стуле? – продолжила она, жуя.

Я чуть не расхохотался, но все-таки сумел взять себя в руки.

– Нет.

– Внезапная беременность?

– Вы же не серьезно, – содрогнулась Эмма.

– Нам известен только один такой случай, – мисс Сапсан пожала плечами, поставила на место коробку и пронзила меня взглядом. – Субъект был мужского пола.

– Я не беременный! – сказал я, пожалуй, чересчур громко.

– И слава богу! – прокричали мне в ответ из гостиной.

Мисс Сапсан ободряюще похлопала меня по плечу.

– Судя по всему, тебе ничего не грозит. Надо было предупредить тебя раньше.

– Хорошо, что вы этого не сделали.

Мало того, что я бы впал в паранойю, так еще и родители наверняка давно отправили бы меня в психушку, если бы я вдруг начал тайно скупать тесты на беременность и проверять утренний стул на предмет улиток.

– Честность прежде всего, – подытожила она. – Теперь, прежде чем мы начнем отдыхать и наслаждаться обществом друг друга, займемся делом.

Она принялась кружить по маленькому пятачку между раковиной и двумя духовками.

– Первое: надежность и безопасность. Я обследовала дом. Все на первый взгляд тихо, но внешность бывает обманчива.

Есть что-нибудь, что я должна знать о ваших соседях?

– Например, что?

– Стаж преступной деятельности? Склонность к насилию? Коллекции огнестрельного оружия?

Соседей у нас было только двое: древняя миссис Меллорус – прикованная к креслу восьмидесятилетняя леди, покидавшая дом исключительно при помощи постоянно проживающей с ней сиделки, и немецкая пара, большую часть года проводившая где-то в другом месте. Их огромный и безвкусный, как «Макдоналдс», особняк в кейп-кодском стиле пустовал – возвращались они только зимой.

– Миссис Меллорус иногда шумит, – сказал я задумчиво. – Но если никто уж совсем особенный не полезет к ней на двор, проблем с ней не будет.

– Ясно. Второе: ощущал ли ты присутствие пустóт с тех пор, как вернулся домой?

При этом слове, уже много недель не мелькавшем в голове и не слетавшем с уст, у меня подскочило давление.

– Нет, – быстро сказал я. – А что? Были еще нападения?

– Никаких нападений. Никаких признаков присутствия. Это-то меня и беспокоит. Так, теперь о твоей семье…

– Я думал, мы всех их убили или захватили в Дьявольском Акре, – перебил я, не готовый так быстро менять тему.

– Не всех. Нескольким тварям удалось скрыться, и они увели с собой небольшой отряд пустóт после нашей победы. Мы полагаем, что они могли отправиться в Америку. И хотя

я сомневаюсь, что они рискнут к тебе приблизиться – свой урок они, смею заметить, выучили хорошо, – но вынуждена предположить, что они что-то замышляют. Лишние предосторожности никогда не повредят.

– Они теперь боятся тебя, Джейкоб, – с гордостью сказала Эмма.

– Меня?

– Дураки бы они были, если б не боялись после взбучки, которую ты им устроил, – раздался из кухни голос Милларда.

– Вежливые люди не подслушивают чужих разговоров, – возмутилась мисс Сапсан.

– А я и не подслушивал. Я проголодался. К тому же меня послали попросить вас не мучить Джейкоба. Мы все, знаете ли, проделали долгий путь, чтобы повидать его.

– Они все ужасно по нему соскучились, – пояснила Эмма. – Почти так же сильно, как я.

– Возможно, настало время обратиться к собравшимся, – обратилась ко мне мисс Сапсан. – Обозначь им ряд основополагающих правил.

– Основополагающих правил? – удивился я. – Это каких же?

– Они – мои подопечные, мистер Портман, но это ваш город и ваше время. Мне нужна ваша помощь, чтобы защищать их от опасностей.

– По-моему, их достаточно просто кормить, – заметила Эмма.

Я повернулся к мисс Сапсан.

– А что вы говорили раньше, про моих родных?

Нельзя же держать их пленниками в гараже до скончания века… К тому же мне становилось неуютно от мысли, что с ними что-то придется делать.

– Не стоит беспокоиться, – сказала она. – У Бронвин все под контролем.

Не успели эти слова слететь с ее губ, как со стороны гаража раздался грохот, от которого затряслись стены. Дом тряхануло так сильно, что с ближайшей полки на пол посыпались стаканы. Все посмотрели на осколки.

– Это определенно похоже на ситуацию, *вышедшую из-под контроля*, – заметил Миллард.

Мы уже мчались в ту сторону.

– Всем оставаться на местах! – крикнула мисс Сапсан, пробегая мимо гостиной.

Я ринулся вон из кухни; адреналин подстегивал меня, Эмма наступала мне на пятки. Я не знал, чего ожидать, когда мы добежим до гаража: дыма? Крови? Грохот был очень похож на взрыв… В общем, я никак не думал, что застану родителей и дядьев спящими в машине как младенцы. Автомобиль застрял задом в здоровенной дыре, образовавшейся в подъемной гаражной двери; бетон вокруг был усыпан битым стеклом от задних фар. Мотор работал вхолостую. Перед машиной стояла Бронвин, в руках она держала бампер.

– Ох, простите! Понятия не имею, что случилось, – ска-

зала она и с лязгом уронила бампер.

До меня дошло, что нужно срочно заглушить двигатель, пока мы все тут не задохнулись; я кинулся к водительской двери. Она оказалась заперта. Ну конечно – родственники пытались спастись от Бронвин. Ясное дело, они перепугались.

– Я могу ее открыть, – предложила Бронвин. – Посторонись!

Она покрепче уперлась ногами в пол и ухватилась обеими руками за ручку.

– Что ты… – начал я, но тут Бронвин дернула и открыла дверь. А заодно и сорвала ее с петель.

Вес и инерция довершили дело – дверь вырвалась из рук Бронвин, продолжила движение и врезалась в дальнюю стену. Звук от удара был такой, что меня отбросило назад.

– Фьюить! – прокомментировала Бронвин в наступившей за этим звенящей тишине.

Гараж напоминал попавшие под бомбежку дома, которые я видел в военном Лондоне.

– Бронвин! – воскликнула Эмма, убирая руки, которыми она прикрывала голову. – Ты могла кому-нибудь голову снести!

Я нырнул в дыру от водительской двери, перегнулся через спящую маму и вытащил ключ из замка зажигания. Мама привалилась к отцу, который храпел, упершись лбом в окно: от его дыхания на стекле получался пустой пузырь для слов,

как в комиксах. На заднем сиденье в объятиях друг друга спали оба дяди. Несмотря на дикий шум, никто из них даже не пошевелился. Мне было известно только одно вещество, способное погрузить людей в такой глубокий сон, – перетертый в порошок кусочек Матушки Пыли. Выбравшись из машины и выпрямившись, я увидел мешочек снадобья в руках Бронвин. Она пыталась объяснить, что тут произошло.

– Тот джентльмен сзади, – она ткнула пальцем в моего дядю Бобби. – Он пытался достать свой… вот этот маленький…

– Мобильный телефон, – поспешно подсказал я.

– Он самый, – кивнула она. – Ну, я его и отобрала. Тут они все взбесились, как мешок с хорьками, и тогда я сделала, как показывала мисс Эс.

– Ты использовала порошок? – строго спросила мисс Сапсан.

– Я дунула прямо на них, но они не сразу заснули. Папа Джейкоба завел машину, но поехал почему-то не вперед, а… а…

Она махнула на продырявленную гаражную дверь. Мисс Сапсан ободряюще похлопала ее по руке.

– Да, дорогая, вижу. Ты все сделала совершенно правильно.

– Ага, и прямо в стену, – поддакнул Енох.

Из коридора на нас с любопытством таращились остальные дети, сбившиеся в тесную кучку.

– Я, кажется, велела всем оставаться на месте, – заметила мисс Сапсан.

– Это после такого-то грохота? – спросил Енох.

– Прости меня, Джейкоб, – взмолилась Бронвин. – Они так разволновались, я просто не знала что делать. Я же не причинила им никакого вреда, правда?

– Нет, не думаю. – Я помнил, как сам спал плюшевым сном после порошка Матушки Пыли. Это далеко не худший способ провести несколько часов. – Можно я посмотрю дядин телефон?

Бронвин вытащила его из кармана и протянула мне. По экрану паутиной расползлись трещины, но прочитать написанное было можно. Когда он включился, я увидел ряд сообщений от тети: «Что происходит?», «Когда ты будешь дома?», «У вас там все в порядке?». В ответ дядя Бобби начал было набирать «ЗВОНИ В ПОЛИ…», но тут до него дошло, что он с тем же успехом может позвонить туда сам. К счастью, Бронвин отобрала у него телефон раньше, чем он успел это сделать. Если бы она промедлила еще несколько секунд, нам бы сейчас пришлось разбираться со спецназом. У меня стало тесно в груди при мысли, как легко ситуация могла стать очень сложной и очень опасной. Вот черт, подумал я, переводя взгляд с пострадавшей машины на не менее пострадавшие дверь и стену. Она *уже* стала.

– Не стоит беспокоиться, Джейкоб, – мисс Сапсан обошла вокруг автомобиля, оценивая ущерб. – Мне случалось раз-

биваться и с более неприятными историями. Твои родные крепко проспят до утра, и, смею заметить, нам неплохо бы заняться тем же.

– А утром что? – пробормотал я в тревоге, начиная покрываться потом.

Кондиционера в гараже не было, и тут уже стало душно, как в парнике.

– Когда они проснутся, я сотру их последние воспоминания и отправлю твоих дядюшек по домам.

– Но что они…

– Я объясню им, что мы – дальние родственники со стороны твоего отца, приехали из Европы поклониться могиле старого Эйба. А что касается сумасшедшего дома, так ты теперь чувствуешь себя гораздо лучше и в психиатрической помощи больше не нуждаешься.

– А что, если…

– О, не волнуйся, они поверят. Обычные люди очень внушаемы после чистки памяти. Я могла бы с тем же успехом убедить их, что мы – гости из лунных колоний.

– Мисс Сапсан, прошу вас, прекратите.

– Мои извинения, – улыбнулась она. – Сто лет на посту директрисы учат предвосхищать вопросы, это экономит время. А теперь, дети, идите за мной. Мы должны обсудить протокол на ближайшие несколько дней. Нам нужно многое узнать о настоящем, а для учебы нет лучше времени, чем настоящее.

И она погнала своих подопечных из гаража под слаженный хор вопросов и жалоб.

– На сколько мы тут останемся? – спрашивала Оливия.

– Можно утром сходить на разведку? – спрашивала Клэр.

– Я бы все-таки хотел что-нибудь съесть, прежде чем исчезнуть с лица земли, – ворчал Миллард.

Вскоре я остался в гараже один. Мне не хотелось оставлять родных тут на всю ночь… К тому же меня беспокоила предстоящая чистка памяти. Мисс Сапсан, понятное дело, была совершенно уверена в себе, но эта чистка будет серьезнее, чем та, прошлая, в Лондоне, когда она удалила всего минут десять из их воспоминаний. А что, если она сотрет слишком мало или слишком много? Что, если папа забудет все, что знал о птицах, или мама забудет французский, который выучила еще в колледже? Я смотрел, как они спят, и этот новый груз тяжело давил мне на плечи. Я внезапно и неприятно почувствовал себя взрослым, а они – такие хрупкие, кроткие, слегка слюнявые – казались малышами. Может, есть какой-то другой путь?

В открытую дверь заглянула Эмма.

– У тебя все в порядке? Боюсь, если скоро не появится ужин, мальчики взбунтуются.

– Мне показалось, что их не стоит оставлять одних, – кивнул я на родителей.

– Они никуда не денутся, и присматривать за ними не обязательно. После такой дозы они проспят мертвым сном до

завтрашнего полудня.

– Я знаю. Просто… мне немного не по себе.

– Для этого нет никаких причин, – она подошла и встала рядом. – Это все не твоя вина. Ты тут совершенно ни при чем.

Я кивнул.

– Все это немного трагично, правда?

– Что именно?

– Сын Эйба Портмана так никогда и не узнает, каким удивительным человеком был его отец.

Эмма взяла мою руку и положила себе на плечи.

– Думаю, в сто раз трагичнее то, что он так никогда и не узнает, какой удивительный человек его собственный сын.

Я наклонился, чтобы поцеловать ее, и тут у меня в кармане зажужжал дядин телефон. Мы оба так и подскочили. На экране появилось новое сообщение от тети: «Чокнутый Джей уже в психушке?»

– Что там? – спросила Эмма.

– Ничего важного, – ответил я.

Я сунул телефон обратно в карман и решительно повернулся к двери. Бросить родичей в гараже на всю ночь вдруг перестало казаться такой уж плохой идеей.

– Пойдем придумаем что-нибудь на ужин!

– Ты уверен? – удивилась Эмма.

– Абсолютно.

Уходя, я выключил свет.

Я предложил заказать пиццу из пиццерии, где была поздняя доставка. Только несколько человек знали, что такое пицца, а доставка и подавно была для них явлением незнакомым.

– Они что, готовят ее где-то еще и потом привозят к тебе домой? – Горацию эта идея представлялась смутно скандальной.

– Пицца – это что-то из флоридской кухни? – поинтересовалась Бронвин.

– Э-э-э… не совсем, – ответил я. – Но поверь, тебе понравится.

Я сделал огромный заказ, и мы стали ждать, рассевшись на подушках и креслах в гостиной.

– Ты должен что-нибудь сказать, – прошептала мне на ухо мисс Сапсан. – Небольшую приветственную речь.

После чего, не дожидаясь моего согласия, кашлянула и объявила, что, мол, мне есть что сказать. Я встал и несколько неуклюже попытался импровизировать:

– Очень рад видеть всех вас. Не уверен, что вы в курсе, куда везли меня ночью мои родные, но это было плохое место. То есть… – тут я замялся. – Может, оно и хорошее, для тех, у кого действительно проблемы с головой, но… Короче говоря, вы, ребята, спасли мою задницу.

Мисс Сапсан нахмурилась.

– Нет, это ты спас наши… булочки, – возразила Бронвин, опасливо покосившись на директрису. – Мы просто ответи-

ли тебе тем же.

– В общем, спасибо. Когда вы все оказались здесь, я подумал, что это сон. Ведь мне снилось, что вы приезжаете, с тех пор, как мы познакомились. Так что это было совсем нелегко – поверить, что все взаправду. В общем, вы здесь, и я надеюсь, что вам тут будет так же хорошо, как было хорошо мне, когда я гостил у вас в петле.

В завершение я кивнул и, внезапно смутившись, уставился в пол.

– Короче, с ума сойти, что вы приехали, я вас всех люблю, конец.

– Мы тоже тебя любим! – сказала Клэр, вскочила и побежала ко мне обниматься.

К ней присоединились Оливия и Бронвин, а секунду спустя почти все навалились на меня, будто собирались вышибить из меня дух.

– Мы так рады, что мы здесь, – сказала Клэр.

– А не в Дьявольском Акре, – сказал Гораций.

– Вместе нам будет так весело! – сказала Оливия.

– Прости, что мы разнесли тебе часть дома, – сказала Бронвин.

– Почему это сразу «мы»? – сказал Енох.

– Эй, мне дышать нечем, – сказал, вернее, прохрипел я. – Вы меня почти задушили…

Все расступились, чтобы я мог вдохнуть. В образовавшуюся брешь ввинтился Хью и ткнул меня в грудь.

– Ты же в курсе, что мы не все тут, да?

Одинокая пчела описывала круги вокруг него. Все отошли еще, чтобы дать место Хью и его свирепому насекомому.

– Ты сказал, что рад, что мы *все* здесь, а мы вовсе и не все.

Понадобилась целая секунда, чтобы понять, что он имеет в виду, и мне стало стыдно.

– Прости, Хью. Я вовсе не хотел вычеркивать Фиону.

Он посмотрел на свои мохнатые полосатые носки.

– Иногда мне кажется, что все, кроме меня, ее забыли.

Нижняя губа у него задрожала, и он стиснул кулаки, пытаясь сдержаться.

– Она не умерла, сам знаешь.

– Надеюсь, ты прав.

Он с вызовом посмотрел мне в глаза.

– Нет, не умерла.

– Хорошо, не умерла.

– Я очень скучаю по ней, Джейкоб.

– Мы все скучаем, – сказал я. – Я не собирался ее вычеркивать, и я о ней не забыл.

– Извинения приняты, – ответил Хью, вытер лицо, развернулся и вышел из комнаты.

– Ты не поверишь, – заметил Миллард, – но это большой прогресс.

– Он ни с кем из нас почти не говорит, – вставила Эмма. – Все время злой и не желает смотреть правде в глаза.

– Думаете, это правда и Фиона жива? – спросил я.

– Маловероятно, – сказал Миллард.

Мисс Сапсан поморщилась и приложила палец к губам, подплывая к нам через комнату. Подойдя, она обняла всех сразу и прижала к себе.

– Мы отправили весточку во все петли, во все странные семьи, с которыми у нас есть связь, – тихо сказала она. – Разослали коммюнике, бюллетени, фотографии, подробные описания… Я даже послала к мисс Королек голубей-разведчиков, чтобы они прочесали леса в поисках Фионы. Пока никакого результата.

Миллард вздохнул.

– Бедняжка. Если бы она была жива, разве она бы уже не вышла на связь? Нас не так уж трудно найти.

– Думаю, да, – сказал я. – А кто-нибудь пытался найти ее… гм…

– Ее тело? – закончил Миллард.

– Миллард! – воскликнула директриса.

– Это было бестактно? Нужно было подобрать менее точный термин? – всполошился он.

– Просто помолчи, – прошипела мисс Сапсан.

У Милларда не было проблем с эмоциями – у него были проблемы с эмоциями других.

– Обвал, который, скорее всего, убил Фиону, – сказал он, – произошел в петле для странных животных, которая потом схлопнулась. Если ее тело и было там, вернуть его уже не

удастся.

– Я думаю, не устроить ли поминальную службу, – заметила мисс Сапсан, – но не могу даже заговорить об этом – боюсь снова вогнать Хью в депрессию. Если мы будем с ним слишком жесткими…

– Он даже не стал заводить новых пчел, – сказал Миллард. – Сказал, что не сможет любить их, как прежних, потому что они никогда не знали Фиону. Оставил только одну. Она уже довольно преклонного возраста.

– Сдается мне, перемена мест может хорошо на него повлиять, – начал я, но тут зазвенел дверной звонок.

И как раз вовремя – атмосфера в гостиной с каждой секундой становилась все тяжелее. Клэр и Бронвин двинулись за мной к дверям, но тут вмешалась мисс Сапсан:

– Нет уж, леди, не думаю! Вы еще не готовы общаться с обычными людьми.

Вряд ли для них было так уж опасно увидеть доставщика пиццы, но… Я открыл дверь. На пороге, едва удерживая стопку коробок с пиццей, стоял парень, которого я знал еще со школы.

– Девяносто четыре шестьдесят, – невнятно сообщил он с той стороны, потом приветственно дернул головой. – Ого! Портман?

– А, Джастин. Привет.

Звали его Джастин Пампертон, но решительно все сокращали это до «Памперса». На досуге он вместе с другими

придурошными скейтерами торчал на городских парковках. Возможно, еще и употреблял.

– Выглядишь шикарно. Тебе, типа, того – уже лучше?

– Ты вообще о чем? – спросил я, вовсе не желая этого знать и как можно быстрее отсчитывая деньги (я совершил налет на ящик с носками в родительском шкафу, они всегда держали там пару сотен наличными).

– Ну, вроде ходил слух, что ты типа того, ку-ку. Только без обид.

– Гм… нет. Я в порядке.

– Ну, офигеть, – сказал он, кивая, как автомобильный болванчик с головой на пружине. – А я слышал…

В доме кто-то засмеялся, и он заткнулся на полуслове.

– Чувак, у тебя там что, вечеринка?

Я выхватил пиццы и сунул ему деньги.

– Вроде того. Сдачу оставь себе.

– *С девчонками?!*

Он попробовал заглянуть в дом, но я ему помешал.

– Я через час освобождаюсь, могу пива захватить…

В жизни я так не хотел ни от кого избавиться.

– Извини, это типа частное мероприятие.

Он явно был впечатлен.

– Ну, ты даешь, чувак!

Он поднял руку на «дай пять», сообразил, что мои заняты пиццей, и потряс кулаком.

– Увидимся через неделю, Портман!

– Через неделю?

– Школа, бро! Ты на какой планете живешь?

И он потрусил к своему хэтчбеку, качая головой и похохатывая.

Когда я принес и раздал пиццу, все разговоры разом прекратились. Целых три минуты было слышно только как мои гости жуют и – время от времени – удовлетворенно хмыкают. В воцарившейся тишине я повторял про себя слова Джастина. Школа. Через неделю. Каким-то непостижимым образом я совершенно о ней забыл. Пока родители не решили, что я недееспособен, и не попытались посадить меня под замок, я вообще-то планировал вернуться в школу. Продержаться как-то дома до выпускного, а потом сбежать в Лондон, чтобы быть с Эммой и друзьями. Но теперь друзья, казавшиеся мне такими далекими, и мир, выглядевший столь недоступным, явились прямо ко мне на порог, и все изменилось – не успела и ночь миновать. Друзья теперь могли свободно путешествовать где (и когда) хотят. Даже представить себе нескончаемые уроки, перемены, собрания… когда все *вот это* только тебя и ждет – стоит руку протянуть? Слишком непростое решение, особенно когда у тебя пицца на коленях, а голова все еще кружится от мысли, что это возможно. До школы еще целая неделя. Есть время все обдумать. Сейчас вполне достаточно будет поесть и насладиться обществом друзей.

– Лучшая еда на свете! – объявила Клэр с полным ртом расплавленного сыра. – Я каждый вечер буду это есть!

– Нет, если хочешь прожить больше недели! – возразил Гораций, придирчиво выбирая оливки из своего куска. – В ней больше натрия, чем в Мертвом море.

– Испугался, что растолстеешь? – захохотал Енох. – Толстый Гораций – хотел бы я это увидеть.

– Что меня разнесет? Да, испугался, – сказал тот. – В отличие от мешков из-под муки, которые носишь ты, моя одежда сшита по фигуре.

Енох окинул взглядом свой костюм: серую рубаху без воротника, черный жилет, черные обтрепавшиеся штаны и лакированные кожаные ботинки, утратившие блеск еще в незапамятные времена.

– Я обзавелся ими в Парриже, – с подчеркнуто французским выговором сообщил он. – У одного модного парня, которому они были больше не нужны.

– У мертвого парня, – уточнила, скривившись от отвращения, Клэр.

– Похоронное бюро – лучший секонд-хенд на свете, – заметил Енох, вгрызаясь в пиццу. – Нужно только забирать одежду, пока ее предыдущий хозяин не протек.

– Что-то у меня аппетит пропал, – Гораций поставил тарелку на кофейный столик.

– Возьми и доешь, – велела мисс Сапсан. – Мы едой не бросаемся.

Гораций вздохнул, но послушался.

– Я иногда завидую Ноллингсу. Может хоть сто фунтов

набрать, никто и не заметит.

– Я, к твоему сведению, очень стройный, – сказал Миллард; последовавший за этим звук можно описать только как шлепок ладонью по голому животу. – Иди сюда, потрогай, если не веришь.

– Нет уж, увольте.

– Ради птицы, немедленно оденься, Миллард, – сказала мисс Сапсан. – Что я тебе говорила по поводу неуместной наготы?

– Какая разница, если меня все равно никто не видит? – возмутился Миллард.

– Такая, что это дурной вкус.

– Но тут жарко!

– *Немедленно*, мистер Ноллингс!

Миллард встал и вышел, ворча что-то по поводу ханжей и блюстителей нравов, и через минуту вернулся в банном полотенце, свободно обмотанном вокруг пояса. Этот наряд мисс Сапсан тоже не одобрила и отослала его экспериментировать дальше. Во второй раз он вернулся одетый почти во все, что нашлось у меня в шкафу, включая горные ботинки, шерстяные брюки, пальто, шарф, перчатки и шапку.

– Миллард, тебя тепловой удар хватит! – в ужасе воскликнула Бронвин.

– Зато никто не станет представлять себе, как я выгляжу в естественном виде! – заметил он, добившись желаемого эффекта: мисс Сапсан свирепо объявила, что пора произвести

очередную проверку безопасности, и стремительно покинула комнату.

Долго сдерживаемый смех разом прорвался наружу.

– Видели ее лицо? – простонал Енох. – Ноллингс, она была готова тебя убить!

Отношения между мисс Сапсан и детьми менялись на глазах. Дети теперь куда больше походили на настоящих подростков, которые то и дело проверяют чужие границы.

– Вы все вели себя грубо! – сказала Клэр. – Перестаньте сейчас же!

Ну, да, проверяют, но не все.

– Тебе еще не надоели нотации из-за каждого пустяка? – спросил Миллард.

– Пустяка! – завопил Енох и снова расхохотался. – У Милларда там ме-е-е…

Клэр укусила его за плечо своим задним ртом.

– Нет, от этого я не устала, – заявила она, пока Енох потирал пострадавшее место. – А вот то, что ты ходишь голым в смешанной компании без всякой на то причины, кажется мне странным.

– О-о, какой бред! – вздохнул Миллард. – Еще кого-нибудь это беспокоит?

Все девочки подняли руки.

– Ну, хорошо. Я приложу все старания, чтобы всегда быть полностью одетым и не создавать никому неудобств основополагающими фактами человеческой биологии.

Мы болтали и болтали. Нам столько всего нужно было обсудить! В гостиной быстро воцарилась непринужденная оживленность – казалось, мы только вчера расстались, хотя на самом деле прошло уже полтора месяца. И так много всего произошло за это время! По крайней мере, у них; до меня новости доходили лишь изредка, в письмах Эммы. Гости по очереди рассказывали о приключениях во всяких странных местах, куда попадали через Панпитликум, – хотя речь, разумеется, шла только о тех петлях, что были предварительно разведаны имбринами и объявлены безопасными. Что таится за *всеми* дверями Панпитликума, никто до сих пор точно не знал. Они побывали в петле древней Монголии и повидали *странного* пастуха, говорившего на овечьем языке: он пас свое стадо без палки и собаки – управляя одним только голосом. Оливии больше всего понравилась петля в Атласских горах Северной Америки: там был *странный* маленький городок, где все люди умели летать, как она. Над городом была натянута сетка, и жители могли целый день летать по своим делам безо всяких свинцовых ботинок – просто прыгали с места на место, как акробаты в невесомости. В Амазонии тоже была петля – очень популярное место: фантастический город в джунглях, целиком из деревьев. Корни и ветки были так искусно переплетены между собой, что получались дороги, мосты и дома. Странные люди там умели управлять растениями, примерно как наша Фиона. Хью это так расстрои-

ло и напугало, что он почти сразу сбежал из петли обратно в Дьявольский Акр.

– Там было жарко и жуткие насекомые, – пояснил Миллард, – зато местные жители очень приветливые. Они показали нам, как готовить из растений совершенно фантастические снадобья.

– А на рыбалку они ходят со специальным ядом, – добавила Эмма, – который глушит рыбу, но не убивает, так что остается только достать из воды ту, которая им понравилась. Просто гениально!

– У нас и другие путешествия были, – сказал Бронвин. – Эм, покажи Джейкобу свои снимки!

Эмма вскочила с кушетки, на которой сидела рядом со мной, и побежала доставать их из чемодана. Через минуту она вернулась с фотографиями, и мы сгрудились в свете напольной лампы, чтобы их рассмотреть.

– Я только недавно начала фотографировать и до сих пор не понимаю, что я делаю… – смущенно сказала Эмма.

– Не скромничай, – возразил я. – Ты присылала мне свои фотографии в письмах, они были отличные.

– Ой, я и забыла…

Хвастливость Эмме была совершенно не свойственна, но и трубить о своих достижениях, когда у нее что-то действительно хорошо получалось, она не боялась. Раз она так стесняется снимков, значит, стандарты у нее высокие и она стремится им соответствовать. К счастью для нас обоих (мне

очень тяжело изображать энтузиазм, если я его не испытываю), у Эммы был настоящий талант. Но хотя композиция, кадрирование, экспозиция и все остальное были превосходны (хотя я, конечно, не эксперт), особенно интересными были сюжеты. Интересными и ужасными.

На первом снимке человек десять из викторианской эпохи непринужденно позировали, словно у них тут пикник… – вот только местом действия были двускатные крыши домов, выглядевшие так, словно на них наступил разъяренный великан.

– Это землетрясение в Чили, – объяснила Эмма. – Отпечатано на бумаге, которая, к сожалению, жутко состарилась, стоило нам покинуть Дьявольский Акр.

На следующей картинке поезд сошел с рельсов и завалился набок. Вокруг сидели и стояли дети – видимо, все они были странные. Все улыбались, словно это был очень крутой аттракцион.

– Железнодорожная катастрофа, – вставил Миллард. – Поезд перевозил какие-то летучие химикаты. Через пару минут после этого кадра мы отступили на безопасное расстояние и видели, как он загорелся и взорвался. Было очень живописно!

– А какой смысл в этих фотографиях? – спросил я. – В какой-нибудь крутой петле в Амазонии будет гораздо веселее.

– Мы помогали Харону, – ответил Миллард. – Помнишь его: высокий такой лодочник в плаще, из Дьявольского Ак-

ра? С крысами еще дружит?

– Забудешь такого, как же.

– Он сейчас разрабатывает новую туристическую программу «Мор и глад» с использованием петель Панпитликума. Попросил нас протестировать раннюю версию. Помимо чилийского землетрясения и крушения поезда, там был еще один португальский городок, где шел кровавый дождь.

– Серьезно? – изумился я.

– Я там не была, – заметила Эмма.

– И правильно, – сказал Гораций. – Вся одежда осталась в пятнах, которые нельзя вывести.

– Да, судя по всему, вы проводили время куда интереснее, чем я, – вздохнул я. – Я-то из дома выходил от силы раз шесть с тех пор, как последний раз вас видел.

– Надеюсь, теперь все будет по-другому, – сказала Брон-

вин. – Я всегда хотела посмотреть Америку – и настоящее время тоже. А Нью-Йорк отсюда далеко?

– Боюсь, что да.

– У-у, – расстроилась она и утонула в диванных подушках.

– А я хочу поехать в Манси, штат Индиана, – заявила Оливия. – В путеводителе говорится, что пока ты не увидел Манси, ты, можно сказать, и не жил.

– Это в каком еще путеводителе?

– «Странная планета: Северная Америка», – Оливия протянула мне книжку в потрепанной зеленой обложке. – Это путеводители для странных. В нем говорится, что Манси шесть лет подряд получал титул «Самый нормальный город Америки». Полная посредственность во всех отношениях.

– Эта книга чудовищно устарела, – сказал на это Миллард. – Все указывает на то, что пользы от нее никакой.

Оливия его проигнорировала.

– Судя по всему, там никогда не случалось ничего необычного или из ряда вон выходящего, представляешь? Никогда!

– Не все находят нормальных такими интересными, как ты, – пожал плечами Гораций. – К тому же, уверен, странные туристы там так и кишат.

Оливия, так и не надевшая обратно свои свинцовые ботинки, перелетела через кофейный стол на кушетку и бросила книгу мне на колени. Книга была раскрыта на странице, где говорилось о единственном *страннопримном* жилье в окрестностях Манси – месте под названием «Клоунорот-ха-

ус» в петле на окраине города. В полном соответствии с названием это была комната внутри гигантской гипсовой клоунской головы. Я содрогнулся. Книга упала и закрылась.

– Не обязательно ехать в такую даль, чтобы посмотреть *нестранные* места, – сказал я. – У нас, в Энглвуде, своих хватает, можете мне поверить.

– Делайте что хотите, – заявил Енох, – но мои планы ограничиваются ежедневным сном до полудня и горячим песком под ногами.

– А вот это звучит очень мило, – подхватила Эмма. – Тут есть где-нибудь пляж?

– Да прямо через улицу, – заверил ее я.

Глаза Эммы так и вспыхнули.

– Терпеть не могу пляжи, – проворчала Оливия. – Там нельзя снимать эти идиотские металлические ботинки, а это портит все удовольствие.

– Мы могли бы привязать тебя к утесу возле кромки воды, – заботливо предложила Клэр.

– Просто волшебно! – прокомментировала это Оливия, подхватила у меня с колен путеводитель и отлетела подальше, в угол.

– Я просто сяду на поезд до Манси, а вы тут ковыряйтесь как хотите.

– Ничего подобного ты не сделаешь.

В комнату вошла мисс Сапсан.

Интересно, подумал я, уж не подслушивала ли она нас из коридора, вместо того чтобы совершать обход?

– Вы заслужили немного отдыха, дети, никто не спорит, но не забывайте о ваших обязанностях. Вряд ли они позволят

вам провести несколько недель в праздности.

– Что?! – возопил Енох. – Я точно помню, как вы сказали, что мы тут на каникулах.

– Это рабочие каникулы. Мы не можем упустить образовательные возможности, предоставленные нам этим местом и временем.

На слове «образовательный» комната дружно застонала.

– Нам что, и так уроков мало? – заныла Оливия. – У меня мозг лопнет.

Мисс Сапсан метнула на Оливию предостерегающий взгляд и элегантно выступила на середину комнаты.

– Я не желаю слышать больше ни единого слова жалоб, – отрезала она. – Теперь, когда вы получили беспрецедентную свободу передвижения, вы будете неоценимы для дела восстановления нашего мира. При должной подготовке в один прекрасный день вы сможете стать посланниками к другим странным людям и сообществам. Исследователями новых петель и территорий. Планировщиками, картографами, первопроходцами, зодчими – столь же незаменимыми для реставрации разрушенного, сколь вы уже были для победы над врагами. Неужели вы этого не хотите?

– Разумеется, хотим, – сказала Эмма. – Но какое все это имеет отношение к каникулам?

– Тогда вы должны научиться ориентироваться в этом мире. В настоящем времени – в Америке. Вы должны познакомиться с ее особенностями и обычаями, чтобы в результате

суметь сойти за обычных людей. В противном случае вы будете представлять опасность для самих себя и для всех нас.

– То есть вы хотите, чтобы мы… что? – переспросил Гораций. – Брали уроки *нормальности*?

– Именно. Я хочу, чтобы вы научились всему, чему сможете, пока вы здесь, – а не только испекли свои мозги на солнце. И так уж сложилось, что я знаю очень способного учителя.

Мисс Сапсан повернулась и одарила меня улыбкой.

– Мистер Портман, вы согласны занять эту должность?

– Я? – перепугался я. – Вообще-то, я не эксперт по нормальности, если честно. Именно поэтому мне так хорошо с вами, ребята.

– Мисс Эс права, – сказала Эмма. – Ты просто идеально подходишь для этой работы. Ты всю жизнь прожил здесь и вырос, думая, что ты нормальный, тогда как на самом деле ты – один из нас.

– Ну, ближайшую пару недель я планировал провести в комнате с мягкими стенами… – я почесал затылок. – Но эти планы уже отменились, так что мне, наверное, удастся научить вас паре штук.

– Уроки нормальности! – воскликнула Оливия. – Какая прелесть!

– Тут учить-то почти нечему, – пожал плечами я. – С чего начать?

– Отложим до утра, – распорядилась мисс Сапсан. – Уже поздно, а нам всем еще нужно найти себе место для ночлега.

Она была совершенно права. Уже близилась полночь, а мои друзья начали день двадцать три часа (и сто тридцать с чем-то лет) назад в Дьявольском Акре. Мы все и правда устали. Я устроил всех на ночь – в гостевых спальнях, на кушетках, на куче одеял в чулане для швабр – персонально для Еноха, который предпочитал, чтобы его место для сна было как можно более темным и похожим на гнездо. Родительскую кровать я предложил мисс Сапсан, раз уж им она все равно сегодня не понадобится, но директриса отказалась.

– Я ценю ваше предложение, мистер Портман, но пусть эту кровать разделят Бронвин и мисс Блум. Я сегодня буду дежурить.

Она одарила меня всезнающим взглядом, намекавшим, что следить она будет не только за домом. Я чуть глаза не закатил. «Можете не беспокоиться, мы с Эммой никуда не торопимся», – так и вертелось у меня на языке. Ее-то это каким боком касается? Признаться, я так рассердился, что стоило ей выйти за порог, чтобы найти Оливию и Клэр и загнать их в постель, как я помчался за Эммой.

– Хочешь посмотреть мою комнату? – спросил я.

– Ну, конечно! – сейчас же ответила она.

Мы выскользнули в коридор и двинулись вверх по лестнице.

Откуда-то из гостевых спален плыл голос мисс Сапсан: она пела тихую и печальную колыбельную. Как и все странные колыбельные, она была длинной и горестной – эта пред-

ставляла собой сагу о девочке, единственными друзьями которой были призраки. Это означало, что у нас есть по меньшей мере несколько минут, пока мисс Эс не отправится на поиски Эммы.

– У меня тут страшный бардак, – предупредил я гостью.

– Я спала в общей спальне с двумя дюжинами девочек, – отважно возразила она. – Меня не так-то легко удивить.

Мы кинулись вверх по лестнице и дальше, ко мне. Я щелкнул выключателем. У Эммы отвалилась челюсть.

– Это что такое?

– А, – сказал я. – Ну да.

Наверное, это была ошибка. На объяснение, «что это такое», как раз уйдет то немногое время, что осталось у нас на поцелуи. Дело в том, что я собирал… нет, не барахло. Я собирал коллекции. И у меня их было очень много. Книжные полки занимали все стены, а коллекции занимали все книжные полки. Барахольщиком я бы себя не назвал – и скопидомом тоже, – но собирание всяких вещей помогало мне справиться с одиночеством еще в детстве. Когда твоему лучшему другу семьдесят пять и он твой дедушка, поневоле привыкаешь заниматься тем же, чем занимаются дедушки. У нас это были гаражные распродажи – каждую субботу, по утрам. (Дедушка Портман, конечно, был героем войны и охотником на пустóт, но мало что в жизни вдохновляло его так, как возможность от души поторговаться.) На каждой распродаже мне позволялось выбрать себе одну вещь стоимостью мень-

ше пятидесяти центов. Умножьте это на несколько распродаж за уик-энд, и поймете, каким образом мне примерно за десять лет удалось скопить дикое количество старых пластинок, грошовых детективов с глупыми обложками, бейсбольных карточек (хотя бейсбол как спорт мне был совершенно не интересен), журналов с комиксами и всяких прочих штук, с объективной точки зрения представлявших собой мусор, но, тем не менее, аккуратно расставленных на полках, словно какие-то сокровища. Родители часто просили меня проредить коллекции и выкинуть большую часть барахла на помойку, и я даже предпринял несколько вялых попыток, но далеко не продвинулся. Весь остальной дом был такой большой, современный и безликий, что у меня развилось что-то вроде фобии пустых пространств. Поэтому единственную комнату, над которой у меня была хоть какая-то власть, я набивал до отказа. Кстати, не считая переполненных полок, одна стена в ней от пола до потолка была оклеена картами, а другая – старыми пластинками прямо в конвертах.

– Ух ты! Здесь явно любят музыку!

Эмма подошла к стене – как раз к той, которая была покрыта пластинками, словно рыба – чешуей. Мне как-то вдруг сразу разонравился этот эксцентричный декор.

– А где ее не любят? – буркнул я.

– Но не каждый же оклеивает музыкой стены!

– Я в основном люблю всякое старье.

– Я тоже! – отозвалась она. – Мне не нравятся эти новые

группы с громкими гитарами и длинными волосами.

Она посмотрела на «Битлз» и сморщила нос.

– Эта вышла… сколько-сколько? Пятьдесят лет назад?

– Ну да, я же говорю: старье. Но ты никогда не говорила, что так уж любишь музыку.

Она прошлась вдоль стены, ведя рукой по конвертам, внимательно разглядывая обложки.

– Я столько о тебе не знаю… но хочу узнать.

– Понимаю, о чем ты, – сказал я. – Мы в чем-то очень хорошо друг друга знаем, а в чем-то – как будто только что познакомились.

– Вообще-то мы были очень заняты, – усмехнулась она. – Пытались не погибнуть, спасали имбрин и все такое. Зато сейчас у нас появилось время для себя.

У нас есть время… Всякий раз при этих словах электрический разряд новых возможностей кольцами расходился у меня в груди.

– Поставь мне что-нибудь, – Эмма кивнула на стену. – Любую, какая тебе больше нравится.

– Даже не знаю, есть ли у меня любимая, – с сомнением протянул я. – Их так много…

– Я хочу потанцевать с тобой. Поставь ту, под которую хорошо танцевать.

Она улыбнулась и стала дальше рассматривать комнату. Я подумал немного, потом взял «Harvest Moon» Нила Янга. Вынул из конверта, поставил на вертушку и аккуратно поме-

стил иголку в бороздку между третьей и четвертой песней. Раздался теплый треск, и заиграл заглавный трек альбома, такой томительный и нежный. Я надеялся, что Эмма придет ко мне, на середину комнаты, где я немного раскидал вещи, чтобы можно было потанцевать, но она вместо этого подошла к стене с картами. Там были слои и слои карт – карты мира и городов, схемы метро, складные карты из старых выпусков «Нэшнл Джиографик».

– Это просто удивительно, Джейкоб!

– Я часто представлял себе, что нахожусь не здесь, а где-то еще… – сказал я.

– Я тоже, – сказала она.

Эмма подошла к стоявшей у стены и застеленной одеялом кровати и взобралась на нее, чтобы получше рассмотреть карты.

– Иногда я вспоминаю, что тебе всего шестнадцать, – сказала она. – Ну, то есть *на самом деле* шестнадцать. У меня от этого голова пополам раскалывается.

И она с удивлением посмотрела на меня.

– Почему ты это сказала?

– Не знаю. Это просто странно. Ты не выглядишь всего на шестнадцать.

– А ты не выглядишь на девяносто восемь.

– Мне всего *восемьдесят* восемь!

– Ладно. На восемьдесят восемь ты выглядишь.

Она засмеялась и покачала головой, потом снова посмот-

рела на стену.

– Иди сюда, – сказал я. – Потанцуй со мной.

Она, кажется, не услышала – как раз дошла до самой старой части экспозиции, которую мы сделали еще с дедушкой, когда мне было лет восемь или девять. Все карты здесь были нарисованы – на чем попало, от миллиметровки до картона. Множество летних дней мы с ним провели за этим занятием: изобретали картографические символы, изображали странных созданий на полях, а бывало, что и переделывали вполне реальные ландшафты, рисуя поверх свои собственные, выдуманные. Когда до меня дошло, на что она смотрит, мое сердце упало.

– Это же почерк Эйба? – спросила она.

– Мы вместе делали разные штуки. Он был моим лучшим другом.

– Моим тоже, – кивнула она.

Ее палец скользнул по написанным им словам – *озеро Окичоби*, – а потом она отвернулась и слезла с кровати.

– Но это было очень давно.

Она подошла ко мне, взяла меня за обе руки и уткнулась мне головой в плечо. Мы начали мерно раскачиваться под музыку.

– Прости, – сказала она. – Это застало меня немножко врасплох.

– Все в порядке. Вы так долго были вместе. А теперь ты здесь…

Я почувствовал, как она качает головой. Только не испорть все. Ее руки выскользнули из моих и обвились вокруг моего пояса. Я прислонился щекой к ее лбу.

– Ты до сих пор иногда представляешь, что ты где-то еще? – спросила она.

– Больше нет, – ответил я. – Впервые за очень долгое время я счастлив там, где я есть.

– Я тоже, – сказала она и подняла лицо ко мне, и я ее поцеловал.

Мы танцевали и целовались, пока песня не кончилась и комната не наполнилась тихим шипением, а потом еще немного – потому что были не готовы оборвать мгновение. Я пытался забыть, какой странный оборот приняли события и каково мне было, когда она упомянула дедушку. Она переживала что-то такое внутри себя, и это было совершенно естественно – даже если я и не мог понять, что. Сейчас, сказал я себе, важно только одно: мы вместе и в безопасности. Сейчас этого вполне достаточно. Большего у нас никогда еще не было. Никакие часы теперь не отсчитывали время до того, как Эмма увянет и рассыплется в прах. Никакие бомбардировщики не обращали мир вокруг в пламя. Никакие пусто́ты не поджидали за дверью. Я не знал, что готовит нам будущее, но сейчас нам было достаточно просто верить, что оно у нас есть. Снизу раздался голос мисс Сапсан. Пора.

– До завтра, – прошептала Эмма мне на ухо. – Спокойной ночи, Джейкоб.

Мы еще раз поцеловались. Это было похоже на электрический разряд; каждая часть меня еще некоторое время потом звенела и покалывала. Эмма выскользнула за дверь, и впервые с момента прибытия друзей я остался в одиночестве.

* * *

Спать той ночью мне почти не пришлось. Дело было даже не в храпе Хью, устроившегося в куче одеял у меня на полу, а в том, как гудело у меня в голове, полной сомнений и новых, волнующих перспектив. Я покинул Дьявольский Акр и вернулся домой, потому что решил, что закончить школу и оставить родителям какое-то место в своей жизни – это достаточно важно, чтобы еще пару лет потерпеть Энглвуд. Время между настоящим моментом и выпускным вечером представлялось мне изощренной пыткой – шутка ли, когда любимая девушка и друзья застряли во временной петле по другую сторону Атлантики… Но за одну-единственную ночь все переменилось. Теперь, возможно, мне уже и не придется ждать. Не понадобится выбирать: странное или обычное, эта жизнь или та. Я хотел их обе и нуждался в обеих, хотя, наверное, и не в равной мере. Нормальная карьера меня не интересовала. Как и перспектива завести семью с какой-нибудь нормальной девушкой, которая не будет понимать, что я собой представляю… или детей, от которых придется скрывать половину своей жизни, как пришлось дедушке. В общем, ид-

ти по жизни с незаконченным средним образованием – не напишешь же в резюме «укротитель пусто́т» – мне как-то не улыбалось, и хотя мама с папой точно не выиграли бы приз «Родители года», мне все же не хотелось совсем выкидывать их из своей жизни. Да и становиться настолько чужим нормальному миру, чтобы совсем забыть, как в нем ориентироваться, – тоже.

Странный мир был чудесен, и мне никогда не удалось бы стать целостным без него, но временами он становился очень трудным и… чрезмерным. Чтобы сохранить рассудок, мне нужно было поддерживать связь с нормальной жизнью. Я хотел равновесия. Теперь, возможно, следующие два года и не превратятся в тюремный срок, как я ожидал. Возможно, я смогу остаться с Эммой и друзьями, сохранив при этом свой дом и семью. Может, Эмма даже захочет ходить со мной в школу. Да что там, они все смогут! Мы сможем ходить вместе на уроки, обедать, посещать глупые школьные дискотеки. Ну, конечно! Где можно лучше узнать жизнь и привычки нормальных тинейджеров, если не в школе? После одного семестра мои странные друзья смогут без проблем притворяться нормальными (даже у меня в конце концов получилось!) и успешно смешаются с местным населением, когда мы наконец отправимся исследовать странную Америку.

Конечно, когда придет время, мы вернемся в Дьявольский Акр, чтобы бороться за наше дело, помогать восстанавливать петли и работать над тем, чтобы странный мир стал

неуязвим для будущих угроз.

Но, к сожалению, все упиралось в родителей. Они могли сильно облегчить мне задачу… или сделать ее невыполнимой. Если бы только был какой-то способ, позволявший моим друзьям сосуществовать с ними в одном пространстве и не свести их с ума… чтобы не пришлось ходить вокруг мамы с папой на цыпочках, в постоянном страхе разоблачить себя, выдать свою странность… чтобы несчастные взрослые не стали с воплями бегать по улицам и не обрушили ад нам на головы. Должна быть какая-то версия событий, в которую родители поверят. Какой-то способ объяснить моих друзей – их присутствие, их необычность… может быть, даже их странные способности. Я лихорадочно рылся в памяти в поисках подходящей истории. Например, это студенты по обмену, с которыми я познакомился в Лондоне. Они, скажем, спасли мне жизнь, приняли меня как родного, и теперь я хочу отплатить им тем же. (Вообще-то это было недалеко от истины – тем-то эта версия мне и нравилась.) Так вышло, что все они опытные фокусники и постоянно репетируют новые номера. Настоящие мастера иллюзий. Фокусы у них такие сложные, что догадаться, как они их делают, просто невозможно.

Может быть… может быть, способ действительно есть. Как же славно все тогда может получиться!

Мое воображение – настоящий генератор надежды.

Глава вторая

Когда я проснулся на следующее утро, в животе у меня было кисло, а в душе успела окрепнуть уверенность, что все это был сон. Заранее разочарованный, я двинулся вниз, ожидая увидеть собранные сумки и дядюшек на страже по обе стороны двери – вдруг я попытаюсь сбежать. Но вместо этого меня ожидала картина странного домашнего счастья. Весь первый этаж был наполнен веселой болтовней и запахами готовящейся еды. Гораций гремел посудой на кухне; Эмма и Миллард накрывали на стол; мисс Сапсан, насвистывая себе под нос, открывала окна, чтобы впустить в дом утренний бриз. В окна было видно, как снаружи Оливия, Бронвин и Клэр играют в пятнашки во дворе: Бронвин только что поймала Оливию и зашвырнула ее футов на двадцать в воздух. Та, хохоча как безумная, планировала вниз – веса ботинок едва хватало, чтобы обуздать ее природную летучесть. В гостиной Хью и Енох приклеились носами к телевизору, с восторженным изумлением на лицах созерцая рекламу стирального порошка. Сейчас это было самое лучшее зрелище, какое только можно себе представить. Несколько долгих мгновений я стоял у подножия лестницы и впитывал его как губка. Благодаря моим друзьям за одну ночь дом стал куда счастливее и уютнее, чем за все те годы, что я провел тут с родителями.

– Как славно, что вы решили к нам присоединиться, – пропела мисс Сапсан, выдергивая меня из этой блаженной грезы.

Эмма уже бежала ко мне.

– Что такое? У тебя опять кружится голова?

– Нет, просто любуюсь происходящим, – сказал я, привлекая ее к себе и целуя.

Она обвила меня руками, встала на цыпочки и ответила на поцелуй. Меня захлестнуло теплое покалывание, в котором тут же утонули все посторонние мысли. Внезапно мне почудилось, что я вышел из собственного тела, воспарил к потолку и смотрю оттуда на нежное, прекрасное лицо этой удивительной девушки, на моих друзей и на всю эту чудесную сцену, удивляясь, как так вышло, что это дивное мгновение случилось со мной, в моей жизни. Поцелуй закончился слишком быстро – но прежде, чем кто-нибудь в гостиной успел его заметить. Взяв друг друга под руку, мы отправились на кухню.

– Когда вы все встали? – спросил я.

– О, много часов назад! – ответствовал Миллард, проходя с целой тарелкой печенья в сторону гостиной. – У нас тяжелый случай синдрома смены петлевых поясов.

Я заметил, что на сей раз он был в костюме. Сливового цвета брюки, легкий свитер и шарф на шее.

– Это я его одел сегодня утром, – сказал Гораций, выглядывая из кухни. – С точки зрения умения одеваться, он –

чистая скрижаль.

На нем самом красовался фартук – поверх белой рубашки с галстуком и идеально отглаженных брюк (а это само по себе означало, что он вскочил в самую рань, только чтобы погладить одежду).

Я извинился и ускользнул – проверить, как там родичи в гараже. Я вошел туда весь на нервах, но они спали, там, где я их вчера и оставил. Даже позу не поменяли за всю ночь. Тут мне, конечно, пришло в голову страшное, я кинулся к машине и подержал руку напротив каждого из родственных носов. Убедившись, что их обладатели живы, я отправился обратно, к друзьям. Все уже собрались вокруг того, что родители называли «хороший стол»: это была глыба черного стекла в нашей официальной столовой. Столовая эта использовалась крайне редко и ассоциировалась у меня исключительно с хорошими манерами, от которых впору задохнуться, и со всякими неприятными разговорами – потому что пользовались ею, только когда на праздники съезжались родственники или когда родители хотели «обсудить со мной кое-что важное». Это обычно означало лекцию на тему моих плохих отметок, еще более плохого поведения, друзей или отсутствия таковых и так далее. Можете себе представить, как чудесно было увидеть, что эта комната полна еды, друзей и смеха! Я примостился рядом с Эммой. Гораций устроил настоящее шоу из презентации блюд, которые он сегодня нам приготовил.

– Сегодня утром у нас *pain perdu*[2], картофель *à la royal*[3], *viennoiserie*[4] и овсянка с карамелизованными фруктами.

– Гораций, да ты просто себя превзошел! – воскликнула Бронвин с набитым ртом.

Наполнялись тарелки, звучали слова благодарности; я, оказывается, так проголодался, что лишь через несколько минут додумался спросить, откуда взялись продукты.

– Возможно, они сами собой уплыли с полок бакалеи, что напротив, через дорогу, а возможно, и нет, – как ни в чем не бывало объяснил Миллард.

Я мигом перестал жевать.

– Ты что, украл все это?

– Миллард! – с упреком воскликнула мисс Сапсан. – А если бы тебя поймали?

– Невозможно. Я вор-эксперт, – с гордостью ответил Миллард. – Это мой третий по восхитительности талант, после феноменальной остроты ума и почти идеальной памяти.

– Но у них теперь в магазинах есть камеры, – сказал я. – Если они засняли тебя на видео, у нас могут быть большие проблемы.

– О, – сказал Миллард, вдруг чрезвычайно заинтересовав-

---

[2] Гренки из черствого хлеба, вымоченного в молоке, поджаренные и посыпанные сахаром (*франц.*).

[3] По-королевски (с луком, чесноком и в красном вине). Другое значение – «как получится» (*франц.*).

[4] Венская выпечка (*франц.*).

шись ломтиком карамелизованного персика на конце своей вилки.

– Очень впечатляющий грабеж, – сказал Енох. – Какой там у тебя самый первый талант, ты говорил?

Мисс Сапсан положила приборы.

– Так, дети. Мы добавляем воровство у нормальных в список того, «чего никогда делать нельзя».

Все застонали.

– Я не шучу! – отрезала мисс Сапсан. – Если к нам вдруг явится полиция, это будет очень серьезное неудобство.

Енох трагически обмяк в кресле.

– Это ваше настоящее такое утомительное. Только вспомните, как легко было решать эти вопросы дома, в петле! – он чиркнул себя по горлу. – Хр-р-р-р! Прощай, мучительное настоящее!

– Мы с вами больше не на Кэрнхолме, – сказала мисс Сапсан. – И не играем в «Набег на деревню». У ваших поступков в этом времени будут реальные, неотменяемые последствия.

– Я просто пошутил, – проворчал Енох.

– А вот и нет, – прошипела Бронвин.

Мисс Сапсан властно подняла руку, призывая к тишине.

– Какое у нас новое правило?

– Не воровать, – без особого энтузиазма отозвался общий хор.

– А еще?

Несколько секунд прошло в безмолвии. Директриса на-

хмурилась.

– Не убивать нормальных? – предположила Оливия.

– Правильно. В настоящем времени мы никого не убиваем.

– А если они очень мешают? – уточнил Хью.

– Неважно. Убивать все равно нельзя.

– Без вашего разрешения? – уточнила Клэр.

– Нет, вообще никак.

– А, ну хорошо, – сказала Клэр.

Не знай я их так хорошо, у меня бы от этих разговоров мороз пошел по коже. Зато хорошее напоминание, сколько всего им еще нужно узнать о настоящем. Что в свою очередь напомнило мне…

– Когда нам надо начать эти нормализационные уроки?

– Сегодня? – с готовностью предложила Эмма.

– Сейчас! – крикнула Бронвин.

– А с чего мне начать? Что вы хотите знать?

– Заполнить лакуны в наших знаниях о последних семидесяти пяти годах или около того? – предложил Миллард. – История, политика, музыка, популярная культура, последние открытия в науке и технологии…

– Я-то думал, вас нужно научить разговаривать, словно вы не из 1940 года, и как переходить улицу, не подвергая свою жизнь опасности.

– Да, это тоже важно, – согласился Миллард.

– А я хочу на улицу, – заявила Бронвин. – Мы тут уже

со вчерашнего дня, а успели только полазить по вонючему болоту и проехаться на ночном автобусе.

– Да! – подхватила Оливия. – Я хочу посмотреть американский город. И муниципальный аэропорт. И еще карандашную фабрику! Я читала ужасно интересную книгу про карандашные фабрики…

– Минуточку, – прервала ее мисс Сапсан. – Сегодня никаких больших экспедиций, так что можете сразу выкинуть эти идеи из головы. Сначала надо научиться ходить, а уже потом – бегать. Учитывая наши ограниченные транспортные возможности, пешая прогулка для начала будет идеальна. Мистер Портман, есть ли поблизости какое-нибудь малонаселенное место, где мы могли бы совершить моцион? Мне бы не хотелось, чтобы дети общались с нормальными больше необходимого, пока не получат достаточно практики.

– Ну, тут есть пляж, – сказал я. – Летом там никого не бывает.

– Великолепно! – воскликнула мисс Сапсан и отослала детей переодеваться. – И не забудьте защиту от солнца! – крикнула она им вслед. – Шляпы! Парасоли!

Я тоже собрался идти переодеваться, как вдруг на меня нахлынул прежний ужас.

– А что с моей семьей? – спросил я.

– Они получили достаточно пыли, чтобы проспать почти до вечера, – сказала она. – Но на всякий случай мы оставим кого-нибудь присматривать за ними.

– Это хорошо, но что потом?

– Когда они проснутся?

– Да. Как я буду объяснять им… вас?

Она улыбнулась.

– Это, мистер Портман, целиком и полностью решать вам. Но если хотите, можем обсудить стратегию на прогулке.

* * *

Я дал гостям разрешение совершить налет на платяные шкафы и взять все, что им понадобится для пляжа, раз уж своего у них ничего нет. Было очень странно увидеть их через несколько минут: они явились, одетые якобы на современный манер. Для Оливии и Клэр ничего не нашлось, так что они просто добавили к своим туалетам шляпы с широкими полями и солнечные очки – получилась парочка знаменитостей, пытающихся обмануть папарацци. На Милларде не было ничего, кроме слоя антизагарного крема на лице и плечах, так что он превратился в некое ходячее пятно. Бронвин щеголяла в топе с цветочками и мешковатых льняных брюках. Енох разжился шортами для плавания и старой футболкой, зато Гораций излучал старомодную элегантность в голубом поло и чиносах цвета хаки, штанины которых он аккуратно закатал так, чтобы видны были лодыжки. Единственным, кто переодеваться не стал, был Хью. Он все еще хандрил и вызвался остаться дома и присматривать за моими

родителями. Я выдал ему дядин телефон, вытащил на экран свой номер и показал, как его набрать, если они вдруг начнут просыпаться.

Тут в комнату вошла мисс Сапсан, и все принялись ахать и охать на разные голоса. Директриса нарядилась в бахромчатый топ без рукавов, капри с тропическим принтом и очки-авиаторы. Ее обычная взбитая прическа возвышалась теперь над розовым пластиковым козырьком от солнца. Было чуть-чуть неудобно видеть ее в маминой одежде, но зато выглядела она в ней абсолютно нормальной, что, как я понимаю, и требовалось.

– Вы выглядите так современно! – проворковала Оливия.

– И странно, – добавил Енох, сморщив нос.

– Мы должны быть мастерами маскировки, раз уж приходится действовать в разных мирах, – сказала мисс Сапсан.

– Осторожно, мисс Эс, – заметила, входя, Эмма, – а не то все холостяки будут ваши.

– Кто бы говорил! – вздохнула Бронвин. – Берегитесь, мальчики!

Я повернулся к Эмме и чуть не задохнулся. На ней был цельный купальник в виде платьица, с юбочкой внизу, доходившей до середины бедра. Абсолютно ничего скандального, надо сказать, но это было самое откровенное, что я вообще на ней видел. Теперь у нее появились ноги! Нет, я, конечно, с нашей первой встречи догадывался, что они у нее есть, но… Эмма Блум была до боли хороша, и мне пришлось сделать

усилие, чтобы перестать на нее пялиться.

– Ой, да ну вас, – сказала Эмма, потом перехватила мой взгляд и улыбнулась.

Эта улыбка – о, господи! – озарила меня всего изнутри.

– Мистер Портман.

Я обернулся к мисс Сапсан, ухмыляясь, как одурманенный.

– Гм… да?

– Вы готовы? Или вас следует признать недееспособным?

– Нет, я в порядке.

– Еще бы ты был не в порядке, – фыркнул Енох.

Проходя мимо, я как следует пихнул его плечом.

А потом я распахнул парадные двери и вывел моих странных друзей в большой мир.

* * *

Я живу на небольшом барьерном островке под названием Нидл-Ки: пять миль туристских баров и домов с фасадами на море, с мостом на каждом конце. Островок разделен пополам извилистой улочкой, скрытой пологом баньяновых деревьев. Островом он считается исключительно благодаря длинной канаве шириной в тысячу футов, наполненной водой и отделяющей нас от Большой земли. Во время отлива ее можно перейти пешком, не замочив рубашки. Дома богатых жителей обращены фасадами на большой залив; все остальные

смотрят на Лимонную бухту – в тихое утро она бывает очень мила: яхточки проплывают мимо, цапли промышляют себе что-то на завтрак вдоль отмелей. Славное, безопасное место для ребенка – наверное, мне стоило бы чувствовать больше благодарности… но всю свою сознательную жизнь я провел, сражаясь с ощущением (поначалу невнятным, ползучим, а затем всеобъемлющим), что мое место где-то не здесь, что у меня начинает плавиться мозг и если я останусь дома хоть на день после окончания школы, он окончательно превратится в жидкость и вытечет через уши.

Я остановил компанию за живой изгородью в конце нашей подъездной дорожки, пока не проехали все машины в пределах слышимости, и только тогда мы перебежали улицу и вступили на тропинку, которую местные специально не расчищали от мангровых зарослей, чтобы туристы ее не нашли. Пара минут продирания через кусты, и перед нами открылось главное очарование Нидл-Ки: длинный пляж белого песка и залив – бесконечный и изумрудно-зеленый.

Несколько человек ахнули. Им, конечно, случалось видеть пляжи и раньше – ведь они прожили на острове большую часть своей неестественно долгой жизни. Но этот пляж был на диво хорош: вода гладкая и безмятежная, словно в озере; пологая дуга тонкого, как пудра, белоснежного песка, уходящая вдаль; бахрома качающихся пальмовых листьев. Из-за этого-то девственного пейзажа тысяч двадцать душ и обитали в нашем городке, во всех прочих отношениях ничем

не примечательном, – и в такие вот мгновения, когда солнце висит высоко в небе, а ленивый ветерок гонит прочь полдневный зной, их выбор вполне можно понять.

– Мой бог, Джейкоб, – сказала мисс Сапсан, вдыхая полной грудью морской воздух, – да у тебя тут настоящий маленький рай!

– Это Тихий океан? – спросила Клэр.

– Это Мексиканский залив, – хрюкнул Енох. – Тихий океан – с другой стороны континента.

Мы неторопливо пошли по пляжу. Малыши носились кругами, собирая ракушки, а мы просто наслаждались видом и солнцем. Я притормозил, приноровился к походке Эммы и взял ее за руку. Она бросила на меня взгляд и улыбнулась. Мы оба одновременно вздохнули и расхохотались.

Некоторое время мы болтали о пляже и о том, как тут красиво, но эта тема быстро иссякла, и я решился спросить, как им жилось в Дьявольском Акре. Нет, я уже слышал об их путешествиях наружу через Панпитликум, но вряд ли этими вояжами все и ограничивалось.

– Путешествия чрезвычайно важны для развития личности, – заявила мисс Сапсан странно защищающимся тоном. – Даже самый образованный человек без путешествий останется невеждой. Очень важно, чтобы дети поняли: наше сообщество – отнюдь не пуп странного мира.

Помимо этих экспедиций, объяснила мисс Сапсан, они с другими имбринами положили много сил на то, чтобы со-

здать для своих подопечных безопасную и стабильную среду. Как и мои друзья, большинство из них оказались вырваны из петель, где прожили большую часть жизни. Некоторые из этих петель схлопнулись и исчезли навек. Многие странные потеряли друзей во время пусто́тных атак, или сами были ранены, или стали жертвами травм иного рода. И хотя Дьявольский Акр во всей своей грязи и хаосе – бывший центр империи зла, созданной Каулом, – далеко не лучшее место для выздоровления, имбрины сделали все возможное, чтобы превратить его в убежище. Многие дети-беженцы вместе со странными взрослыми, бежавшими от террора, нашли там новый дом. В Акре основали новую академию, где ежедневно читали лекции и проводили дискуссии. Преподавали в ней имбрины, когда были свободны, а в их отсутствие – взрослые из странных, обладавшие особыми знаниями и опытом в какой-нибудь области.

– Иногда это довольно скучно, – признался Миллард, – но все-таки очень приятно находиться среди ученых людей.

– Скучно там только потому, что ты вечно думаешь, будто знаешь больше учителей, – сказала Бронвин.

– Когда это не имбрины, обычно так оно и есть, – пожал плечами Миллард. – А имбрины почти всегда заняты.

Заняты они, уточнила мисс Сапсан, «сотней тысяч всяких неприятных дел», большая часть которых состоит в уборке после тварей.

– Они оставили после себя ужасный беспорядок, – сказала

она.

Беспорядок был вполне буквальный: развороченные дома; поврежденные, но не окончательно уничтоженные петли. Еще печальнее был поток людей с разными травмами и расстройствами – вроде странных из Дьявольского Акра, подсаженных на амбро. Они нуждались в лечении от зависимости, но далеко не все соглашались на него добровольно.

Был еще один скользкий вопрос – кому из них теперь можно доверять. Многие пошли на сотрудничество с тварями – одни под давлением, другие сами, и часто до такой степени, что это уже было откровенным злом и предательством. Нужны были суды. Странная система правосудия, рассчитанная максимум на несколько дел в год, стремительно расширялась, чтобы суметь обработать десятки, большинство из которых еще даже не были заведены. А до тех пор обвиняемые прохлаждались в тюрьме, построенной Каулом для жертв его жестоких экспериментов.

– А когда мы не занимаемся всеми этими неприятностями, Совет имбрин проводит заседания, – поведала мисс Сапсан. – Заседает целый день и часто за полночь.

– И что же они обсуждают? – поинтересовался я.

– Будущее, – натянуто ответила она.

– Авторитет совета поставлен под вопрос, – сказал Миллард. Лицо мисс Сапсан сделалось кислым. Не заметив этого, он продолжал: – Кое-кто говорит, что в системе нашего самоуправления назрели перемены. Что имбрины устарели

и подходят разве что для более ранней эпохи. Что мир изменился, и мы должны меняться вместе с ним.

– Неблагодарные ублюдки, – возмутился Енох. – Бросить их в тюрьму вместе с изменниками, вот мое мнение.

– Это совершенно неприемлемо, – возразила мисс Сапсан. – Имбрины правят со всеобщего согласия. Всякий имеет право озвучить свои идеи, даже если они ошибочны.

– И в чем же они с вами не согласны? – спросил я.

– Во-первых, в том, следует ли и дальше жить в петлях, – ответила Эмма.

– А разве большинство странных не вынуждено это делать?

– Да, пока не произойдет какой-нибудь глобальный петлевой коллапс, – сказал Миллард, – вроде того, что запустил наши внутренние часы. Многие, так сказать, подняли бровь.

– Позавидовали нам, назовем вещи своими именами, – возразила Эмма. – Ты не представляешь, чего мне наговорили, когда прошел слух, что мы отправляемся сюда в гости, и надолго! Все просто позеленели от зависти.

– Но когда петля схлопнулась, мы все могли запросто умереть, – сказал я. – Это слишком опасно.

– Что правда, то правда, – сказал Миллард. – По крайней мере, до тех пор, пока мы полностью не изучим этот феномен. Если удастся произвести корректный научный анализ того, что с нами произошло, мы, возможно, сможем потом воспроизвести тот же процесс в безопасном режиме.

– Но на это может уйти много времени, – пожала плечами мисс Сапсан, – а некоторые из странных не желают ждать. Они так устали жить в петлях, что готовы даже рискнуть своей жизнью.

– Совершенное безумие, – вставил Гораций. – Я и понятия не имел, у скольких странных полная каша в голове, пока нас всех вместе не втиснули в Дьявольский Акр, как селедок в бочку.

– И это они еще наполовину не такие чокнутые, как «Новый мир», – сказала Эмма, и мисс Сапсан горько вздохнула. – Эти хотят расширения контактов с нормальным сообществом.

– Ой, только не начинайте про этих психов, а не то я заведусь! – проворчал Енох. – Они полагают, что мир уже настолько открыт и терпим, что можно просто взять и выйти из укрытий. «Привет, люди! Мы – странные и гордимся этим!» Как будто нас после этого не сожгут на костре, как в старые добрые времена.

– Они просто очень молоды, вот и все, – сказала мисс Сапсан. – Им не приходилось жить во времена охоты на ведьм или антистранной истерии.

– Молодость молодостью, но они опасны, – сказал Гораций, нервно перебирая пальцами. – А что, если они возьмут и выкинут что-нибудь безрассудное?

– Этих тоже в тюрьму, – вмешался Енох. – Вот мое мнение.

– Вот поэтому-то ты и не в совете, дорогой, – сказала мисс Сапсан. – Но довольно. Последнее, что я хочу обсуждать в такой чудесный день, – это политика.

– Вот именно, – подхватила Эмма. – И зачем я, спрашивается, надела этот купальник, если мы не собираемся лезть в чертову воду?

– Кто последний, тот слабак! – завопила Бронвин и кинулась бежать.

Все помчались с ней наперегонки к морю. Мы с мисс Сапсан остались одни. Я думал о совершенно других вещах и плавать не очень хотел. Что же до мисс Сапсан, то, несмотря на все наши невеселые разговоры, она, кажется, совсем не расстроилась. На нее, конечно, немало всего навалилось, но все эти проблемы (насколько я знал) имели между собой кое-что общее: они были связаны с ростом, с исцелением, с обретением свободы – а за такое можно быть благодарным.

* * *

– Джейкоб, иди к нам! – крикнула Эмма, размахивая морской звездой, которую только что выловила из прибоя.

Кто-то из наших весело плескался на мелководье, но некоторые уже нырнули под волну и вовсю плавали там, где поглубже. Залив в эту летнюю пору был теплый, как ванна, и совсем не походил на штормовую Атлантику, хлеставшую утесы Кэрнхолма.

– Тут просто чудесно! – крикнул Миллард, вокруг которого в море создался небольшой вакуум в форме человеческой фигуры.

Даже Оливия веселилась от души, хоть и погружалась в песок на три дюйма с каждым шагом.

– Джейкоб! – позвала Эмма. Она прыгала в волнах и махала мне рукой.

– На мне джинсы! – крикнул я в ответ, что было совершенной правдой.

На самом деле я был совершенно счастлив просто стоять на берегу и смотреть, как веселятся мои друзья, – было в этом что-то невыразимо сладостное: словно внутри таял лед, сковавший мои представления о том, что такое дом. Так хотелось, чтобы у них он был, – всегда, когда им только захочется – этот мир, этот покой, без всяких лишних сложностей… и, может быть, это и вправду возможно. Я даже только что придумал, как быть с родителями. Идея была настолько проста! Удивительно, что она мне раньше в голову не пришла. Не нужно придумывать никакую убедительную ложь или мастерски состряпанную легенду для прикрытия. Истории имеют свойство давать течь, а ложь – раскрываться, но даже если и пронесет, нам все равно придется вечно обходить родителей на цыпочках и бояться, как бы они не увидели чего-нибудь странного, не взбрыкнули и не разбили наш хрупкий мир вдребезги. Более того, вечно скрывать от них, что я собой представляю, было очень утомительно,

особенно теперь, когда обе мои жизни – нормальная и странная – встретились. Суть в том, что мои родители – совсем не плохие люди. Меня не обижали, мной не пренебрегали – меня просто не понимали. В общем, я подумал, что они заслуживают того, чтобы им дали возможность понять. Я просто скажу им правду. Если открывать ее постепенно и достаточно мягко, возможно, она окажется не слишком тяжелой. Если познакомить маму и папу с моими странными друзьями в спокойной обстановке, по одному за раз, а с их особенностями – только когда они более или менее узнают друг друга… все может получиться. Почему нет, в самом деле? Папа – и отец, и сын странных людей. Если кто из нормальных и способен нас понять, так это он. И если мама не сможет так быстро понять, папа ее поторопит. Может, они, наконец, поверят мне и примут таким, каким я уродился. Может, у нас еще получится настоящая семья.

Предложить это мисс Сапсан было нелегко. Я нервничал и хотел поговорить с ней с глазу на глаз. Остальные все еще плавали или копошились на мелководье; за мисс Сапсан следовала стайка крошечных куликов-песочников, пощипывая ее за щиколотки длинными клювами.

– Кыш! – сказала она и на ходу махнула на них ногой. – Я не ваша мамочка!

Они отлетели подальше, но потом снова увязались за ней.

– Птицы вас любят, да?

– В Британии они меня уважают. Меня и мое личное

пространство. А здесь они абсолютно эмоционально зависимые, – она снова махнула ногой. – Пошли, кыш!

Кулики упорхнули обратно в воду.

– Мы с вами собирались поговорить, не так ли?

– Да, я тут думал… Что, если я просто все объясню родителям?

– Енох, Миллард, немедленно прекратите баловаться! – закричала она в сложенные рупором ладони, после чего повернулась ко мне. – Так мы, стало быть, не станем стирать их воспоминания?

– Прежде чем совсем махнуть на них рукой, я бы хотел еще раз попытаться, – сказал я. – Понимаю, что, может, ничего и не выйдет, но если вдруг получится, все сразу станет гораздо проще.

Я боялся, что она тут же мне откажет, но, как ни странно, она этого не сделала – ну, вернее, сделала не совсем это.

– Значит, придется сделать большое исключение из давно установленных правил. Очень мало кто из нормальных посвящен в наши тайны. Совет имбрин должен дать специальное одобрение. Существует специальный протокол посвящения. Церемония принесения клятв. Долгий испытательный срок…

– То есть вы хотите сказать, оно того не стоит.

– Я этого не говорю.

– Правда?

– Я говорю, что это сложно. Но в случае с твоими родите-

лями цель, возможно, оправдывает средства.

– Это какая же цель? – позади нас возник Гораций.

Вот и пытайся сохранить все в тайне…

– Я собираюсь рассказать родителям правду о нас, – ответил я. – И посмотреть, смогут ли они с этим справиться.

– Что? Зачем это?

Это была уже более предсказуемая реакция.

– Мне кажется, они заслуживают знать.

– Они пытались посадить тебя под замок! – вмешался Енох.

Остальные тоже вышли из воды и стали собираться вокруг.

– Я в курсе, что они сделали, – возразил я, – но причина тут только в том, что они беспокоились за меня. Если бы они знали правду и приняли ее, они бы так никогда не поступили. И это сильно упростило бы ситуацию, если вдруг вы, ребята, снова захотите приехать в гости или я соберусь к вам.

– То есть ты, что же, не поедешь с нами обратно? – спросила Оливия.

Тут как раз подошла Эмма, с ее волос стекала морская вода. Услышав это, она, прищурившись, выразительно посмотрела на меня. Мы с ней еще не говорили об этом, а я уже обсуждаю такой важный вопрос с другими!

– Я собираюсь сначала закончить школу, – сказал я. – Но если все сделать правильно, мы сможем постоянно видеться в ближайшие два года.

– Это очень большое «если», – сказал Миллард.

– Только представьте, – не унимался я. – Я смог бы помогать вам с восстановительными работами – по выходным, например, – а вы могли бы приезжать сюда, когда только пожелаете, и узнавать больше о нормальном мире. Вы даже в школу могли бы со мной ходить, если захотите…

Я посмотрел на Эмму. Ее руки были скрещены на груди, а выражение лица оставалось непроницаемым.

– Ходить в школу с *нормальными*? – поразилась Оливия.

– Да мы даже к двери не подходим, когда пиццу привозят, – сказала Клэр.

– Я вас научу, как себя с ними вести. И оглянуться не успеете, как станете настоящими экспертами в этом деле.

– С каждой секундой звучит все более притянуто за уши, – покачал головой Гораций.

– Я просто хочу дать родителям шанс, – взмолился я. – Если это не сработает…

– Если это не сработает, мисс Эс сотрет им память, – вмешалась Эмма.

Она подошла и взяла меня под руку.

– Разве это не трагедия, что родной сын Эйба Портмана не знает, кем был его отец?

Значит, она на моей стороне. Я крепко сжал ее руку, благодаря за поддержку.

– Трагедия, но неизбежная, – возразил Гораций. – Его родителям нельзя доверять. Никому из нормальных нельзя.

Они могут всех нас выдать!

– Они не станут! – сказал я, но голосок у меня в голове спросил: «Да ладно?»

– А почему просто не притворяться, что мы нормальные, когда они рядом? – задала резонный вопрос Бронвин. – Тогда они не расстроятся.

– Вряд ли это сработает, – не согласился я.

– К тому же некоторые из нас не обладают такой привилегией – *иметь возможность* притворяться нормальными, – заметил Миллард.

– Терпеть не могу притворяться, – сообщил Гораций. – Может, мы просто будем самими собой, а мисс Сапсан каждый вечер станет стирать им память?

– Если слишком часто стирать память, люди становятся слабы на голову, – отрезал Миллард. – Ноют, пускают слюни и все такое…

Я вопросительно посмотрел на мисс Сапсан, и она подтвердила его слова, коротко кивнув.

– А что, если им уехать куда-нибудь на каникулы, далеко-далеко? – предложила Клэр. – Мисс Сапсан могла бы заронить им в голову эту идею, пока они будут легко внушаемыми после стирания памяти.

– А как быть, когда они вернутся? – спросил я.

– Тогда мы запрем их в подвале, – сказал Енох.

– Лучше мы запрем в подвале *тебя*, – возразила Эмма.

Ну вот, я стал для всех источником напряжения и страха,

которые нам совсем не нужны. Теперь все будут беспокоиться… и я буду беспокоиться. И все это ради моих родителей, от которых я последние полгода не видал ничего, кроме горя.

Я повернулся к мисс Сапсан.

– Все это слишком сложно. Давайте вы просто сотрете им память.

– Если ты хочешь сказать им правду, я думаю, стоит попытаться, – ответила она. – Это почти всегда стоит усилий.

– Правда? Вы уверены?

– Если есть хоть один шанс, что это сработает, я попрошу одобрения Совета задним числом. Ну, а если не сработает, мы, полагаю, очень быстро это поймем.

– Фантастика! – воскликнула Эмма. – А теперь, когда мы решили этот вопрос… – она потащила меня за руку к воде, – пора немного поплавать!

Меня это застало врасплох, и я не успел ее остановить.

– Стой! Нет… мой телефон! – Я выхватил его из кармана джинсов, прежде чем плюхнуться по грудь в море, и швырнул на берег, Горацию.

* * *

Эмма окунула меня и быстро поплыла прочь, а я, хохоча, погреб вслед за ней.

Внезапно меня охватило неистовое счастье. Счастье быть среди друзей, щуриться на слепящее солнце, плыть за кра-

сивой девушкой, которой я нравлюсь… Которая любит меня, как она сама однажды сказала.

Блаженство.

Впереди Эмма нашла песчаную отмель и встала по пояс в воде, хотя до берега было довольно далеко. Ласковые местные течения часто выкидывали такие шутки.

– Привет! – выдохнул я, слегка запыхавшись, и тоже встал ногами на песок.

– Вы всегда купаетесь в синих джинсах? – спросила она, улыбаясь.

– Конечно. Все так делают. Это последний писк моды.

– А вот и нет.

– А вот и да. Это называется нано-деним, он высыхает уже через пять секунд после выхода из воды.

– Невероятно.

– А еще они сами себя складывают.

Она подозрительно прищурилась.

– Ты серьезно?

– И готовят завтрак.

Она плеснула в меня водой.

– Нехорошо шутить над девушками из прошлых веков!

– Слишком уж легко над ними шутить! – сказал я, уворачиваясь и окатывая ее в ответ.

– Нет, правда. Я ожидала куда большего по части летающих автомобилей, роботов-помощников и тому подобного. Роботобрюки уж как минимум!

– Ну, извини. Зато мы изобрели интернет.

– Какое разочарование.

– Догадываюсь. Я бы тоже предпочел летающие автомобили.

– Нет, я разочарована, что ты оказался таким вруном. У меня были на нас такие виды… А, ладно.

– Мне просто было нужно выговориться. Больше никаких шуток, обещаю.

– Обещаешь-обещаешь?

– Ну, спроси меня что-нибудь. Обещаю-обещаю, что скажу чистую правду.

– Хорошо.

Она широко улыбнулась, отвела мокрую челку и опять скрестила руки на груди.

– Расскажи про свой первый поцелуй.

Я почувствовал, как краснею, и постарался уйти под воду, чтобы это скрыть, – но надолго все равно не вышло, потому что надо же как-то дышать.

– Я, видимо, нарвался.

– Тебе известны все углы и закоулки моей романтической истории. Как-то нечестно, что я ничего не знаю о твоей.

– Да там и знать-то нечего.

– Вздор! Что, даже и не целовался ни разу?

Я оглянулся, надеясь найти что-нибудь способное ее отвлечь.

– Гм…

Я утонул примерно по нос и пробормотал что-то неразборчивое; получилось много пузырей.

Она положила ладони на воду, и через мгновение та забурлила, испуская пар.

– Говори, или я тебя сварю!

Я живо выскочил на поверхность.

– Ладно, ладно, признаюсь! Я встречался с одной супермоделью, она была научный гений, а потом еще с двойняшками, которые получили премию за гуманитарную деятельность и экзотические сексуальные дарования. Но ты куда лучше, чем любая из них!

Пар окутал ее на мгновение, когда же он рассеялся, ее рядом со мной больше не было.

– Эмма? – я запаниковал и стал шарить руками в воде. – Эмма!

Сзади раздался плеск, я обернулся, и мне тут же плеснули воды в лицо. Эмма расхохоталась.

– Я же сказала: никаких больше шуток!

– Ты меня напугала! – я пытался протереть глаза.

– Ни за что не поверю, что такой симпатичный парень ни разу не целовался, прежде чем на сцене появилась я.

– Ну, хорошо, один раз, – сознался я. – Но это почти не стоит упоминания. Думаю, девушка на мне, гм, экспериментировала.

– О, боже. Это уже интересно.

– Ее звали Джанин Уилкинс. Она поцеловала меня за

трибунами на дне рождения у Мелани Шах в скейт-центре «Звездная пыль». Сказала, что устала быть «поцелуйной девственницей» и хочет проверить, на что это похоже. Взяла с меня обещание, что я никому не скажу, и пригрозила, что если я разболтаю, пустит слух, что я все еще мочусь в постель.

– О, небо. Вот ведь шлюха.

– Вот и вся моя захватывающая история.

Эмма округлила глаза, потом легла на спину, позволив воде держать себя. Счастливый щебет друзей становился то сильнее, то слабее, сопровождаемый тихим шумом волн.

– Джейкоб Портман, непорочный, как свежевыпавший снег.

– Гм… ну, да, – сказал я, чувствуя себя крайне неловко. – Странная формулировка, правда.

– Вообще-то, стыдиться тут нечего.

– Знаю, – сказал я, не вполне уверенный, что это так.

Все фильмы и ТВ-шоу для подростков мужского пола в один голос намекали, что оставаться девственником к тому времени, когда пора получать водительские права, – это серьезная личная неудача. Я понимал, что это идиотизм… но как быть, если слышишь такое каждый божий день?

– Я имею в виду, что ты бережешь свое сердце. И я высоко это ценю, – сказала Эмма и искоса посмотрела на меня.

Палец ее прочертил поверхность воды, оставив за собой хвост пара.

– В любом случае меня это не слишком беспокоит. Уверена, это… не навсегда.

– Да? – я почувствовал легкую дрожь.

– Время покажет.

Эмма опустила ноги и выпрямилась в воде. Она устремила на меня пристальный, изучающий взгляд; нас подтолкнуло ближе друг к другу. Руки встретились, ноги переплелись под водой. Но не успело переплестись что-нибудь еще, как до нас донеслись крики. Мисс Сапсан и Гораций махали нам с берега.

* * *

– Это Хью, – я, пошатываясь, вышел из волны, и Гораций тут же сунул мне телефон.

Я постарался держать его подальше от мокрых волос.

– Да?

– Джейкоб! Твои дядюшки просыпаются, и родители, кажется, тоже.

– Буду дома через пять минут. Держи их на месте.

– Попытаюсь, но ты лучше поторопись. У меня больше нет пыли, а твои дяди очень злы.

Все, кто мог бегать, побежали. Бронвин несла на руках Оливию. Мисс Сапсан, умевшая ходить и летать, но не бегать, сказала, что догонит нас. Краем глаза я заметил, как она нырнула в море и скрылась под волнами. Через мгно-

вение ее одеяния всплыли на поверхность без хозяйки, которая вырвалась из воды в туче брызг уже в облике птицы и пронеслась у нас над головами в сторону дома. Зрелище ее превращений всегда вызывало у меня желание завопить и захлопать в ладоши, но я сдержался – вдруг кто из нормальных смотрит – и помчался дальше.

К дому мы добрались, задыхаясь, все в поту и песке, но приводить себя в порядок времени не было. Через гаражную дверь уже доносились сердитые голоса моих дядьев. Надо было поскорей разобраться с ними, пока старая миссис Меллорус не услышала и не вызвала полицию. Я ринулся в гараж и с порога принялся извиняться перед родичами – рассерженными, растерянными и начинающими опасно закипать. Через минуту дядя Бобби и дядя Лес свирепо прошли мимо меня в дом, где тут же наткнулись на мисс Сапсан. Она встретила их в холле – со своим соколиным пером и пронзительным взглядом, – и вскоре дядюшки были тихие, мирные и податливые, как пластилин. Прочистить им разум оказалось так легко, что я был почти разочарован. Провести дальнейшую беседу с двумя осовелыми и внушаемыми субъектами мисс Сапсан предоставила мне. Я усадил их в кухне на высокие табуреты и объяснил, что за последние двадцать четыре часа в их жизни не случилось ровным счетом ничего интересного, что мое душевное здоровье совершенно безупречно, а вся наша недавняя семейная драма разыгралась по причине неправильно поставленного новым психиатром

диагноза. Дальше я на всякий случай предупредил их, что всякие странные британские личности, которых они вполне могут встретить на протяжении ближайших недель – или наткнуться при попытке позвонить нам домой по телефону, – это дальние родственники со стороны отца, явившиеся почтить память дорогого усопшего дедушки.

Дядя Бобби кивал как зачарованный. Дядя Лес бормотал: «Угу» – и рассеянно складывал в карманы остатки омлета с нашего завтрака.

Я велел им как следует выспаться, вызвал такси и отправил домой. Дальше настало время заняться родителями.

Я попросил Бронвин отнести их наверх, в спальню, пока сонный порошок окончательно не выветрился, – чтобы им не пришлось просыпаться в разбитой машине в окружении напоминаний о событиях прошлой ночи. Она положила их на кровать и закрыла дверь.

С минуту я мерил шагами коридор снаружи, оставляя песочные следы на ковре и нервно пытаясь придумать, что бы такое сказать. По лестнице поднялась Эмма.

– Эй, – прошептала она. – Прежде чем ты туда войдешь, я хочу, чтобы ты кое-что узнал.

Я подошел, и она сжала мне руку.

– Да?

– Ты ей нравился.

– Кому?

– Джанин Уилкинс. Девушка не подарит свой первый по-

целуй кому попало, понимаешь?

– Я… ох, – мой разум попробовал находиться сразу в двух местах, но потерпел поражение и сдался.

Она расхохоталась и опустила глаза.

– Нет, насчет нее я вполне серьезно. Но я пришла пожелать тебе удачи. Хотя вряд ли тебе нужно еще – она у тебя и так есть.

– Спасибо.

– Мы будем внизу, если вдруг тебе что-то понадобится.

Я кивнул. Потом поцеловал ее. Она улыбнулась и ушла вниз по лестнице.

* * *

Родители проснулись в уюте собственной постели. Сквозь жалюзи лесенкой светило солнце. Я следил за ними из кресла в углу, грызя ногти и стараясь сохранять спокойствие.

Мама открыла глаза первой.

Она поморгала, протерла их, потом села, застонала и принялась растирать шею. О том, что последние восемнадцать часов она проспала в машине, она явно не имела никакого понятия – у кого хочешь после такого шея заболит.

А дальше она увидела меня и нахмурилась.

– Милый, – сказала она. – Что ты здесь делаешь?

– Я… я просто хотел кое-что объяснить.

Тут она посмотрела на себя и, видимо, поняла, что одета

так же, как прошлым вечером. Лицо ее стало растерянным.

– Сколько сейчас времени?

– Около трех, – сказал я. – Мам, все хорошо.

– Нет, не хорошо, – она озиралась по сторонам, и ее растерянность на глазах переходила в панику.

Я встал. Она ткнула в меня пальцем.

– Стой там!

– Мам, только не надо пугаться. Позволь мне объяснить.

Она на меня не смотрела – просто игнорировала, как будто на самом деле меня тут и не было.

– Фрэнк, – она потрясла папу. – Фрэнк!

– М-м-м.

Он перевернулся на другой бок. Мама потрясла его сильнее.

– Франклин!

Вот она, моя последняя возможность. Момент, к которому столько готовился. Я быстро перебрал несколько разных стратегий, но все они сейчас выглядели крайне нелепо – слишком тупо, слишком глупо. Когда папа сел и стал протирать глаза, я потерял все самообладание, вдруг подумав, что не смогу найти нужных слов.

Впрочем, это уже было неважно – пора было выходить на сцену.

– Мам, пап, мне надо кое о чем с вами поговорить.

Я подошел к изножью кровати и начал говорить. Сейчас я уже почти не помню, что говорил, – только чувствовал се-

бя, как коммивояжер, которому открыли дверь, а он толком не выучил речь. Я говорил о последних словах дедушки, о необычных фотографиях и открытке от мисс Сапсан, и о том, как все это привело меня к дому странных детей и к живущим в нем старинным друзьям Эйба, которые не только до сих пор живы, но даже ничуть не постарели. Я обнаружил, что неуклюже танцую вокруг терминов вроде «временной петли» и «особых способностей», потому что это как-то слишком быстро и слишком сильно. Моя куцая, отредактированная версия правды в сочетании с нервным возбуждением наверняка лишь укрепляла родителей в мысли, что я не в своем уме, и чем больше я говорил, тем дальше они от меня отодвигались, и мама натягивала одеяло на плечи, а папа вжимался в изголовье кровати, и жила у него на лбу, вылезавшая в минуты стресса, уже плясала джигу. Словно моя гипотетическая мания и вправду была заразной.

– Хватит! – закричала наконец мама. – Я не могу больше это слушать!

– Но это правда, и если бы ты только выслушала меня до конца…

Но она уже отбросила одеяло и выскочила из кровати.

– Мы услышали достаточно! Мы и так знаем, что с тобой случилось. Это все травма из-за дедушки! Ты перестал принимать таблетки!

Совершенно рассвирепев, она мерила шагами комнату.

– Мы отправили тебя через полмира по совету шарлата-

на, выбрав для этого самое худшее время, и у тебя случился нервный срыв! Тебе совершенно нечего стыдиться, но с этим надо что-то делать. О'кей? Нельзя и дальше прятаться в этих твоих… историях.

Мне словно пощечину дали.

– Да вы мне даже шанса не дали…

– Мы дали тебе сотню шансов, – перебил меня папа.

– Нет. Вы никогда мне не верили.

– Разумеется, не верили! – воскликнула мама. – Ты одинокий мальчик, потерявший важного для тебя человека. А потом ты встречаешь этих детей, «особенных», совсем как твой дедушка, и видеть их можешь только ты? Тут даже доктором быть не надо, чтобы поставить диагноз. Ты выдумывал себе друзей с двух лет!

– Я не говорил, что только я могу их видеть! – возразил я. – Вы сами их видели прошлой ночью на дороге.

На мгновение родители замерли, будто встретили привидение. Вполне возможно, они успели вытеснить вчерашнее происшествие – такое бывает, когда какое-нибудь событие категорически не сочетается с твоими представлениями о реальности.

– О чем ты говоришь? – спросила мама, и ее голос дрогнул.

Кажется, делать нечего – остается только познакомить их с моими друзьями.

– Хотите встретиться с ними? – предложил я. – Еще раз?

– *Джейкоб!* – сказал папа, и в его голосе была явная угроза.

– Они здесь, – продолжал я. – Обещаю, они не опасны. Просто… сохраняйте спокойствие, ладно?

Я открыл дверь и пригласил в комнату Эмму. Она успела сказать: «Привет, мистер и миссис Портман…», когда мама начала кричать.

Вбежали мисс Сапсан и Бронвин.

– В чем дело? – спросила мисс Сапсан.

Мама отпихнула ее в сторону – на самом деле отпихнула!

– Вон! ВОН ОТСЮДА!

Бронвин явно взяла себя в руки, чтобы не схватить маму и не швырнуть об стену.

– Мэриэнн, успокойся! – завопил папа.

– Они не причинят тебе вреда! – сказал я, пробуя схватить ее за плечи, но она вырвалась и кинулась прочь из комнаты.

– Мэриэнн! – закричал папа и хотел побежать следом, но тут Бронвин схватила его за руки.

Он был еще слишком вялый после пыли, чтобы бороться с ней, и за мамой побежал я.

Она кинулась в кухню и попыталась вооружиться разделочным ножом. Мои странные друзья вылезли из укрытий и обступили ее кольцом на безопасном расстоянии, а она, прижавшись спиной к холодильнику, размахивала ножом.

– Успокойтесь, миссис Портман! – сказала Эмма. – Мы не причиним вам никакого вреда!

– Отойдите от меня! – вопила мама. – Боже мой! *Боже мой!*

Не знаю, было ли дело в Оливии, подкрадывавшейся к ней по потолку – она нашла в гараже рыболовную сеть и собиралась сбросить ее на маму сверху – или в голосе Милларда, вещавшем из пустого халата, но мама, наконец, упала в обморок. Нож запрыгал по плиточному полу, а она рухнула рядом. Зрелище было такое жалкое, что мне пришлось отвести глаза.

Я слышал, как папа кричит наверху, зовя маму по имени. Судя по звукам снизу, он, наверное, подумал, что мы ее убили.

– Мы за ней присмотрим, – сказала мне Эмма. – Иди к отцу.

Я пнул нож ногой, так чтобы он улетел под шкаф – вдруг мама придет в себя. Эмма, Гораций, Хью и Миллард подняли ее и понесли на кушетку. Делать мне здесь было больше нечего, и я помчался наверх.

Отец скорчился в углу спальни с подушкой в обнимку. Бронвин возвышалась в дверях, раскинув руки, готовая поймать его при первой же попытке к бегству. При виде меня выражение папиного лица стало ледяным.

– Где она? – спросил он. – Что они с ней сделали?

– Мама в полном порядке, – поспешил заверить его я. – Она сейчас спит.

Он покачал головой.

– Она этого не переживет.

– Переживет. Мисс Сапсан умеет стирать воспоминания. Она просто ничего не вспомнит.

– А твои дяди?

– С ними то же самое.

Тут как раз вошла мисс Сапсан.

– Мистер Портман? Здравствуйте!

Отец не обратил на нее внимания. Он продолжал смотреть на меня.

– Как ты мог? – почти выплюнул он. – Как ты мог привести этих людей к нам в дом?

– Они пришли помочь мне, – сказал я. – Помочь убедить вас, что я не сумасшедший.

– Вы не смеете так поступать с людьми, – это он уже обратился к мисс Сапсан. – Врываться к ним в жизнь, рушить все, пугать до смерти, стирать что вздумается. Так нельзя.

– Судя по всему, правду вашей супруге не осилить. Пока, по крайней мере, – сказала она. – Но Джейкоб очень надеялся, что с вами будет иначе.

Папа медленно встал, уронив руки по бокам, – покорный, но злой.

– Ну, хорошо. Вываливайте это на меня.

Я обернулся на мисс Сапсан.

– С тобой все будет хорошо? – спросила она.

Я кивнул.

– Мы все время будем снаружи, – пообещала она, и они с

Бронвин вышли, прикрыв за собой дверь.

* * *

Я говорил долго.

Я сидел на краю кровати, а папа – в углу, в кресле. Он смотрел в пол, ссутулив спину, словно ребенок, которому приходится терпеть выволочку.

Я решил не обращать на это внимания. И рассказал всю свою историю с самого начала, сумев и на этот раз сохранить спокойствие. Рассказал, что именно нашел на острове, как встретил странных детей и кем они оказались. Как понял, что я – такой же, как они. Я даже рассказал ему про пусто́т, хотя и не стал вдаваться в подробности того, что случилось потом, умолчав о наших битвах, о Библиотеке Душ и о злых братьях мисс Сапсан. Сейчас довольно и того, чтобы он понял, кем был его отец и кем являюсь я.

Я закончил.

Несколько минут он молчал. И испуганным больше не выглядел – только печальным.

– Ну? – сказал я.

– Я должен был догадаться, – ответил он. – То, как вы с дедушкой поладили… Как будто у вас двоих был свой тайный язык.

Он тихонько кивнул своим мыслям.

– Я должен был догадаться. Думаю, какая-то часть меня

это прекрасно знала.

– Что ты имеешь в виду? Ты знал про дедушку, но не знал про меня?

– Да. Нет. Черт, я не знаю.

Он пристально смотрел куда-то мимо меня, словно пытался разглядеть что-то в тумане.

– Думаю, где-то глубоко внутри я действительно знал, только никогда не хотел в это верить.

Я пододвинулся к краю кровати.

– Он тебе сказал?

– Кажется, он как-то пытался. Но я, должно быть, вытеснил это воспоминание… Или кто-то украл его у меня. Но прошлой ночью… – папа постучал себя пальцами по лбу. – При виде этих людей что-то у меня в голове соскочило с крючка.

Теперь настала его очередь говорить, а моя – слушать.

– Когда это случилось, мне было, наверное, десять. Твой дедушка уезжал в эти свои долгие деловые поездки и пропадал неделями. Я всегда хотел поехать с ним, и просил, и умолял, но он всегда, всегда отказывал. До того самого дня. Когда он вдруг взял и согласился.

Папа встал и принялся расхаживать по комнате, словно только что вспомнил, что это придает ему нервной энергии – чтобы было что сжигать.

– Мы поехали уже не помню куда – в северную Флориду или в Джорджию. По дороге подобрали какого-то его дру-

га. Я его знал: он бывал у нас в доме раз или два. Черный парень, всегда с сигарой во рту. Эйб звал его Эйч. Просто Эйч. Раньше он себя вел очень дружелюбно, но на этот раз так и бурлил какой-то странной энергией и все поглядывал на меня, а пару раз я даже слышал, как он спрашивает папу: «Ты точно уверен, что стоит?» В общем, уже стемнело, и мы остановились на ночлег в каком-то мерзком старом мотеле. Посреди ночи отец разбудил меня: он был реально напуган. Сказал, чтобы я быстро собирался, и погнал скорей на улицу, в машину. Я пошел, как был, в пижаме, и тоже ужасно испугался – потому что папа ничего никогда не боялся. Ничего. Мы помчались вон с парковки, как будто за нами гнались зомби, но не проехали и двух кварталов, когда машину р-р-раз – и накренило, как будто нас кто-то ударил в бок, – да только никаких других машин на дороге не было. И тут отец ударил по тормозам, встал, а потом открыл дверь и выскочил из машины. Ложись, Фрэнк, говорит, и чтобы тебя было не видно, не слышно. Глаз я отвести не успел, и следующее, что я помню, это как его вздернуло в воздух что-то невидимое, а потом он стал издавать эти ужасные звуки горлом и упал обратно, на землю, и выл, словно зверь, и глаза у него – я видел его в свете фар, как сейчас помню, – закатились и стали совсем белые, а одежда была вся испачкана какой-то черной дрянью. И тогда я выскочил из машины и побежал прямо в кукурузное поле, не оглядываясь. Наверное, я в какой-то момент отключился, потому что дальше помню уже

снова кровать в мотеле, и папу, и Эйча, и с ними еще двоих-троих каких-то людей. Все они выглядели как-то странно и были в крови и в грязи, и еще этот запах… Бог ты мой, что за запах! А у одного из них – в жизни не забуду этого зрелища – совсем не было лица. Просто гладкая маска из кожи. Я так перепугался, что даже кричать не мог. А папа и говорит, мол, все хорошо, Фрэнки, не бойся, эта леди сейчас тебе что-то скажет. И та женщина, она была очень похожа на нее… – тут он показал на мисс Сапсан, которая приоткрыла дверь и заглянула в комнату. – Она что-то со мной сделала, так что наутро воспоминаний уже почти не осталось. Как будто мне просто приснился плохой сон. А папа больше никогда об этом случае не говорил.

– Ей полагалось стереть ваши воспоминания, – заметила мисс Сапсан. – Судя по всему, она не закончила свою работу.

– И очень зря, – сказал отец. – Мне годами снились кошмары. Одно время я даже думал, что сойду с ума. Папа сказал ей, чтобы она не полностью стерла мне память. Настоящий садизм – поступать так с ребенком, как думаете? Но, наверное, он хотел, чтобы я все знал. Как будто школьную доску протерли, но если приглядеться, все еще можно что-то прочитать. Но я не хотел читать. Я не хотел ни видеть, ни знать. Потому что я совсем не хотел такой правды о своем отце. Чтобы мой папа… был таким.

– Ты просто хотел нормального отца, – сказал я.

– Вот именно, – сказал он, и до меня наконец дошло.

– Ну, так он таким не был. И я тоже.

– Выходит, так.

Он перестал расхаживать и сел на кровать, держась от меня подальше.

– Ваш сын – отважный и талантливый молодой человек, – холодно сказала мисс Сапсан. – Вы должны очень им гордиться.

Отец что-то пробормотал. Я переспросил. Он поднял взгляд, и в его глазах появилось выражение, которого там не было еще секунду назад. Очень похожее на отвращение.

– Ты сделал свой выбор.

– Это был не выбор! – возразил я. – Это то, что я есть.

– Нет. Ты выбрал их. Ты предпочел этих… людей… нам.

– Совершенно не обязательно делать выбор. Мы можем существовать параллельно.

– Скажи это своей маме, которая кричит как ненормальная! Скажи своим дядьям, которые… Где они? Что вы с ними сделали?

– С ними все хорошо, па.

– Ничего не ХОРОШО! – вдруг заорал он, снова вскакивая на ноги. – Вы все разрушили!

Мисс Сапсан, только что стоявшая в дверном проеме, прислонившись к косяку, ворвалась в комнату. По пятам за ней влетела Бронвин.

– *Сядьте*, мистер Портман…

– Нет! Я не стану жить в сумасшедшем доме! Я не отдам

мою семью во власть этого безумия!

– Все может получиться, говорю тебе… – начал я.

Отец подлетел ко мне, и я даже успел подумать, что он меня сейчас ударит. Но он остановился.

– Я тоже сделал выбор, Джейкоб. Уже давно. А теперь ты, судя по всему, сделал свой.

Мы стояли почти вплотную; папа был весь красный и тяжело дышал.

– Я все еще твой сын, – прошептал я.

Зубы его были крепко сжаты, но губы дрогнули, словно он хотел еще что-то сказать. Но нет. Отец развернулся, проследовал в угол и снова сел в кресло, обхватив руками голову. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только его неровным дыханием.

– Скажи, чего ты хочешь, – сказал я наконец.

Он поднял голову, но на меня не взглянул. Прижал палец к виску.

– Давайте, – хрипло произнес он. – Стирайте. Вы ведь и так собирались это сделать.

На меня обрушилось отчаяние.

– Если ты не хочешь… Если думаешь, что…

– Я этого хочу, – сказал он, глядя на мисс Сапсан. – Только на сей раз доделайте работу до конца.

Он откинулся на спинку и обмяк. Казалось, свет в его глазах погас. Мисс Сапсан посмотрела на меня. Онемение медленно накрыло меня волной, от макушки до пяток. Я кивнул.

И вышел из комнаты.

* * *

Эмма перехватила меня, когда я бежал вниз по лестнице.

– Все хорошо? Я не слышала, что у вас там произошло…

– Я в порядке, – бросил я.

Ни в каком порядке я не был, но пока еще не понимал, как об этом говорить.

– Джейкоб, пожалуйста, поговори со мной.

– Не сейчас.

Мне срочно надо было остаться одному. Если точнее, мне нужно было поорать в окно быстро едущего автомобиля, пока не кончится дыхание.

Она отпустила меня. Я не оглянулся: не хотел видеть выражения ее лица. Я промчался мимо прикорнувшей на кушетке мамы, мимо друзей, сбившихся в нервный, шепчущийся клубок. Выхватив ключи из деревянной чаши на кухонной стойке, я кинулся в гараж и нажал на кнопку у двери. Дверь издала болезненный скрежещущий стон и честно попыталась открыться, но задний бампер машины так основательно в ней застрял, что мгновение спустя она сдалась и затихла.

Я выругался и пнул ближайшее, что попалось под ногу. Это оказался толстый старый телевизор, засунутый под рабочий верстак. Моя босая нога провалилась внутрь, осколки

пластика полетели во все стороны. Ступня онемела, наверняка останется порез. Я резко выдернул ногу обратно, похромал через боковую дверь во двор и принялся орать на деревья. Узел кипящей ярости в груди немножко ослаб.

Я обогнул дом и, пройдя через лужайку на заднем дворе, спустился на наш маленький, выбеленный солнцем причал, выходивший на залив. Яхты у родителей не было и каноэ тоже. Причалом я пользовался только с одной целью: сидеть мрачно в самом конце, опустив ноги в коричневую воду, и думать о всяких неприятных вещах. Именно этим я сейчас и занялся. Через пару минут по доскам сзади простучали шаги. Я уже был готов развернуться и рявкнуть, чтобы они – кто бы там на самом деле ни был – проваливали к черту, но ее выдала слегка неровная походка. Я не мог заставить себя нагрубить мисс Сапсан.

– Осторожнее, там гвозди торчат, – сказал я, не оборачиваясь.

– Благодарю, – отозвалась она. – Могу я присесть?

Я пожал плечами, не отрывая глаз от воды. Вдалеке прошла лодка.

– Все готово, – сказала она. – Твои родители пребывают в восприимчивом состоянии и готовы к внушению. Мне нужно знать, что им сказать.

– Мне все равно.

Несколько секунд прошло в молчании. Мисс Сапсан села на причал рядом со мной.

– Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, – сказала она, – у меня с моими родителями было что-то наподобие этого.

– Мисс Сапсан, я правда сейчас не хочу говорить.

– Значит, будете слушать.

Иногда спорить с мисс Сапсан было просто невозможно.

– На несколько лет я уехала в Академию имбрин мисс Шилоклювки, – начала она. – Но в какой-то момент я вспомнила, что у меня все еще есть мать и отец, и, наверное, будет здорово снова их повидать. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я встала на крыло и была довольно бесцеремонно изъята из родного дома, и я подумала, что они, возможно, увидят меня теперь в несколько ином свете – как личность, как дочь, наконец, – а не просто как какую-то мерзкую ошибку природы.

Родителей я нашла в лачуге на самом краю деревни. Их выселили туда из-за меня. Даже родственники, и те отказывались теперь знаться с ними: все верили, что они пособники дьявола. Я попробовала как-то задобрить их… – они все еще любили меня, но куда больше боялись. Кончилось тем, что мать прокляла тот день, когда я появилась на свет, а отец прогнал меня из дому раскаленной кочергой. Много лет спустя я узнала, что они умерли: набрали камней в карманы и ушли в море.

Она вздохнула. Налетел ветерок и на секунду развеял летний зной. Казалось почти невозможным, чтобы такой мир,

как она описывает, мог существовать рядом с этим.

– Мне ужасно жаль, что это с вами случилось, – сказал я.

– Наши близкие часто не в силах пережить правду, – ответила она.

Я подумал об этом немного и вдруг рассердился.

– Час назад вы говорили совсем другое. Вы сказали, что ради правды стоит попытаться, или что-то в этом роде.

Она досадливо поерзала, отряхнула песок с колен.

– Я подумала, что должна дать вам шанс.

– Зачем? – мой голос начал предательски забирать вверх.

– Не мое дело учить вас, как быть сыном ваших родителей.

– Насколько я понимаю, родителей у меня больше нет.

– Не говорите так, – осадила меня она. – Я знаю, они наговорили вам ужасных вещей, но нельзя же…

Я вдруг встал и спрыгнул в море.

Я задержал дыхание и остался под водой, надеясь, что тьма и внезапный холод смоют мысли прочь: *он знать тебя не хочет… Он предпочел все забыть, лишь бы не знать тебя…*

И тогда я закричал в мутные илистые глубины, и кричал, пока у меня действительно не кончилось дыхание.

Когда я вынырнул футах в двадцати от пристани, мисс Сапсан стояла на ногах, готовясь нырять за мной.

– Джейкоб! Ты…

– Я в порядке, в порядке.

Тут было так мелко, что я легко мог достать до дна.

– Я же сказал, что не хочу разговаривать.

– Сказал.

Она стояла на причале, а я – в море, по пояс в воде, утопая ступнями в иле. Мелкая рыбешка пощипывала меня за ноги.

– Я сейчас кое-что скажу, – сообщила она. – И имейте в виду, устраивать припадки в ответ не разрешается.

– Отлично.

– Я понимаю, что прямо сейчас вам эта идея категорически не понравится, но, поверьте, потом вы горько пожалеете, если сейчас откажетесь от этой своей нормальной жизни.

– Какой еще жизни? У меня здесь нет друзей. Мои родители боятся и стыдятся меня.

– Зато ваши родители живы, чего большинство из нас сказать не может. И они уже не помнят того, что случилось пять минут назад.

– Зато я помню. И я не собираюсь всю оставшуюся жизнь притворяться, что я не тот, кто на самом деле. Если такова цена за то, чтобы быть их сыном, оно того не стоит.

На мгновение мне показалось, что она сейчас закричит на меня, но мисс Сапсан проглотила так и не сорвавшиеся с губ слова.

– Я никогда не утверждала, что странным и особенным быть легко, – сказала она, помолчав. – Быть одним из нас – у этого много неприятных и трудных сторон. И, возможно, самая трудная – это научиться взаимодействовать с миром людей, которые тебя не понимают и не хотят понимать. Мно-

гие считают это невыносимым и уходят жить в петли. Но для вас, мистер Портман, я такого будущего никогда не видела. У вас есть уникальный дар, и я сейчас не о пусто́тах говорю. Вы – своего рода оборотень, Джейкоб, способный легко переходить из одного мира в другой. Вам не суждено жить привязанным только к одному дому, только к одной семье. Их у вас будет много – как у вашего дедушки.

Я посмотрел вверх: там проплыл пеликан. При каждом взмахе его крыльев раздавалось негромкое «ффух». Я попробовал представить себе жизнь дедушки: большую ее часть он провел в паршивом маленьком домишке на краю болота. Жена и дети едва его знали. Год за годом он рисковал жизнью, сражаясь за *странное* дело, а наградой в конце жизни… наградой ему стало отношение окружающих как к выжившему из ума старому чудаку.

– Я не хочу быть похожим на деда. Я не хочу такой жизни.

– У тебя такой и не будет. Ты проживешь свою. Как насчет школы?

– Не уверен, что вы меня слушали. Я больше не хочу… – я отвернулся, раскинул пошире руки и проорал в водную даль: – ВСЕГО! ЭТОГО! ДЕРЬМА!

С красным лицом я повернулся обратно.

– Вы закончили? – спокойно спросила она.

– Да, – тихо ответил я.

– Хорошо. Теперь, когда вы полностью проинформировали меня о том, чего вы *не* хотите… поведайте, чего же вы

хотите.

– Я хочу помогать единственным людям в мире, которым действительно есть до меня какое-то дело. Странным. Особенным. И я хочу делать что-то важное. Что-то большое.

– Что ж, очень хорошо, – она нагнулась и протянула мне руку. – Можете начать прямо сейчас.

Я дал ей свою, и она подняла меня на пристань.

– У меня есть для вас работа чрезвычайной важности, которую не может выполнить никто в странном мире – кроме вас, – сказала она, когда мы уже шли к дому.

– О'кей. И что это за работа?

– Детям нужна современная одежда. Мне нужно, чтобы вы сходили с ними по магазинам.

– По магазинам?! – я даже остановился. – Да вы, должно быть, шутите.

Она повернулась ко мне. Ее лицо абсолютно ничего не выражало.

– И не думала.

– Я сказал, что хочу делать что-то важное! В *странном* мире!

Она сделала шаг ко мне и оказалась совсем близко. Ее голос был тихим, но напряженным.

– Я уже говорила об этом раньше, но, видимо, не помешает повторить. Для будущего *того* мира необычайно важно, чтобы дети научились ориентироваться в *этом*. И научить их не сможет никто, кроме вас, Джейкоб. Кому еще я могу

поручить эту работу? Те, кто десятилетиями жил в петлях, ничего не знают о современной реальности – да они бы даже улицу перейти не смогли! А те, кто в свое время не ушел в петли, либо уже очень стары, либо совсем молоды и такие же новички в странном мире, как мы – здесь.

Она схватила меня за плечи и крепко их сжала.

– Я все знаю. Вы очень рассержены, вы хотите уйти. Но я *прошу* вас остаться еще ненадолго. Думаю, я знаю способ, как вам здесь существовать, – только время от времени, когда сами захотите, – параллельно делая важнейшую работу с нами, в петлях.

– Да? – скептически отозвался я. – И что же это за способ?

– Дайте мне время до… – она достала из кармана брюк часы и посмотрела на них. – До наступления ночи. Тогда вы все узнаете. Годится?

Первым делом я подумал, что это как-то связано с Пантитликумом в Дьявольском Акре, но ближайшая петля, которой они воспользовались, чтобы добраться сюда прошлой ночью, находилась в нескольких часах от дома, посреди болота. В любом случае мотаться туда-сюда, как житель пригорода – в город на работу, мне совершенно не улыбалось.

Я твердо хотел оставить все это позади. Уехать и не возвращаться. Но мисс Сапсан просто так «нет» не скажешь, и к тому же я обещал помочь друзьям хоть немного познакомиться с настоящим. Брать такое обещание назад было бы как-то неправильно.

– Ладно, – сказал я. – Сегодня вечером.

– Превосходно.

Она уже собиралась уходить, как вдруг что-то вспомнила.

– О, пока не забыла, – вытащив конверт из другого кармана, она протянула его мне. – На покупки.

Я заглянул внутрь: конверт был битком набит пятидолларовыми купюрами.

– Этого будет достаточно?

– Гм… Да, думаю, будет.

Она элегантно кивнула и направилась к дому, оставив меня с конвертом в руке и слегка ошеломленного.

– Столько дел, столько дел, – бормотала она на ходу, потом крикнула мне через плечо: – Сегодня вечером!

И подняла указательный палец вверх.

Глава третья

Поскольку родительский трехдверный седан мог вместить только половину группы, нам пришлось отправиться по магазинам в две смены. В первую входила Эмма, потому что я всегда оказывал ей особое внимание и не собирался этого скрывать; Оливия – потому что она была веселая, а я сейчас не отказался бы чуть-чуть повеселиться; Миллард, потому что он все равно не оставил бы меня в покое, и Бронвин, потому что только она смогла бы открыть застрявшую гаражную дверь. Хью, Горацию, Еноху и Клэр я пообещал, что приеду за ними через пару часов. Правда, Гораций все равно заявил, что обзаводиться новой одеждой не собирается.

– В тот день, когда деним стал приемлем для повседневного ношения, – сказал он, искоса глядя на меня, – современная мода полностью утратила мое доверие. Подиум сейчас выглядит, как сборище бродяг.

– Тебе *нужна* новая одежда, – возразила Клэр. – Так сказала мисс Сапсан.

– Мисс Сапсан сказала, мисс Сапсан сказала, – Енох сердито посмотрел на нее. – Ты похожа на заводную игрушку.

Мы оставили их препираться сколько душе угодно, а сами отправились в гараж. С помощью некоторого количества скотча, проволоки и точечной сварки (осуществленной Эм-

мой) мы сумели навесить обратно водительскую дверь. Она все равно не открывалась и не закрывалась, но с четырьмя дверями шансов, что к тебе придерутся любопытные полицейские, все-таки меньше, чем с тремя. Закончив ремонт, мы набились внутрь и уже через минуту катили в тени баньянов по улице, бежавшей вдоль хребта Нидл-Ки. По обе стороны возвышались большие дома, между ними проглядывало море. Мои друзья впервые увидели столько *этого* мира при свете дня. Они молча впитывали открывшееся им зрелище: девочки прилипли к окнам сзади; дыхание Милларда туманило стекло с пассажирской стороны. Я попробовал представить себе, как все выглядит для них – эти пейзажи, для меня давным-давно ставшие почти невидимыми. К югу остров сделался у́же, большие особняки уступили место домам поменьше, а те в свою очередь – россыпи приземистых многоквартирных муравейников родом из семидесятых, чьи названия были написаны на аляповатых табличках: «Полинезийские острова», «Райские берега», «Остров фантазии». В коммерческой зоне красок стало больше: лавки с розовыми крышами, торговавшие всякой всячиной – от крема против загара до чехлов на пивные банки; ярко-желтые магазинчики рыболовных принадлежностей; риелторские офисы под полосатыми навесами. И, разумеется, бары – ряды бамбуковых факелов пляшут, двери так и летают туда-сюда, пропуская морской бриз внутрь и скрипучие трели караоке, слышные до самого моря, наружу. Ехать тут было можно только со

скоростью ледника, а дорога так была запружена пьяными от солнца пляжниками, что ничего другого не оставалось, кроме как петь. За всю мою жизнь здесь ровным счетом ничего не изменилось. Словно в пьесе, которая идет на сцене уже который год, можно было выставлять часы по движениям актеров и смене декораций: вот европейские туристы, красные как лобстеры, вянут в тени капустных пальм, хоть эти пальмы толщиной с карандаш; вон рыбаки выстроились, как постовые, вдоль моста: поля шляп и животы обвисли, удочки заброшены на мелководье, рядом – переносные холодильники.

Оставив остров позади, мы взлетели над заливом, сверкающим в лучах солнца. Шины мерно жужжали по металлическим решеткам моста. Спустившись на «Большую землю», мы оказались в архипелаге мини-моллов и шопинг-центров, окруженных океанами парковок.

– Какой странный пейзаж, – заметила Бронвин, нарушая затянувшуюся тишину. – Почему из всей Америки Эйб решил поселиться именно здесь?

– Флорида раньше была одним из лучших мест, где могут спрятаться странные, – объяснил Миллард. – Так, во всяком случае, было до пусто́тных войн. Здесь зимовали передвижные цирки: вся середина штата – гигантское бездорожное болото. Говорили, что любой чужак, каким бы странным он ни был, может найти здесь себе место – или исчезнуть.

Мы оставили позади бежевый центр города и устремились

в захолустье. Мимо закрытого стокового центра, мимо недостроенного жилого квартала, медленно сдающегося под напором подлеска, – за всем этим вставал самый огромный из всех мегамаркетов. Туда-то мы и направлялись.

Я свернул на Пайни-Вудс-роуд – коридор длиной в милю, вдоль которого столпились все городские дома престарелых, трейлер-парки для тех, кому больше пятидесяти пяти, и кварталы для пенсионеров. По обеим сторонам улицы выстроились билборды, без обиняков рекламировавшие больницы, клиники неотложной помощи и кладбища. Все в городе звали Пайни-Вудс-роуд «Дорогой на небеса».

Увидев большой знак с изображением круга из сосен, я начал тормозить, но в себя пришел, только когда уже повернул: в шопинг-центр, куда мы направлялись, можно было доехать несколькими разными способами, но привычка привела меня именно на этот маршрут. Я отвлекся и машинально повернул к Серкл-виллидж – району, где жил дедушка.

– Упс, не туда, – проворчал я, остановился и сдал на попятный.

Но не успели мы развернуться и опять выехать на дорогу, как заговорила Эмма.

– Подожди минутку, Джейкоб. Погоди.

Моя рука замерла на рычаге переключения передач, а по всему телу прокатилась легкая волна ужаса.

– Да?

Эмма огляделась, вытянув шею, чтобы посмотреть в зад-

нее окно.

– Здесь же раньше жил Эйб, да?

– Да.

– Ой, правда? – воскликнула Оливия, нагибаясь между водительским и пассажирским сиденьем.

– Я свернул случайно, – сказал я. – Ездил сюда так много раз… просто мышечная память сработала.

– Как интересно, – заявила Оливия. – Можем мы тут осмотреться?

– Извините, сегодня на это никак нет времени.

Я украдкой бросил взгляд на Эмму в зеркало заднего вида. Мне было видно только ее затылок: она развернулась и глядела в заднее окно на пост охраны у въезда в квартал.

– Но мы ведь уже здесь, – возразила Оливия. – Помните, мы же всегда говорили, как было бы хорошо сюда заехать? Неужели вам не интересно, в каком доме он жил?

– Нет, Оливия, – возразил Миллард. – Это плохая идея.

– Ага, – поддакнула Бронвин и качнула головой в сторону Эммы. – Может, в другой раз.

До Оливии наконец-то дошел намек.

– Ох. Да. Знаете, мне вообще-то тоже не хочется…

Я включил поворотник и уже собирался выехать обратно на дорогу, когда Эмма посмотрела, наконец, на меня.

– Я хочу заехать. Хочу посмотреть его дом.

– Правда? – удивился я.

– Ты уверена? – осторожно спросил Миллард.

– Да, – она нахмурилась. – И не надо так на меня смотреть.

– Так – это как? – не понял я.

– Как будто я с этим не справлюсь.

– Никто такого не говорил, – запротестовал Миллард.

– Зато вы это думали.

– А как же покупка одежды? – я все еще надеялся увильнуть.

– Думаю, мы должны принести ему дань уважения, – твердо сказала Эмма. – Это важнее одежды.

Идея устроить им экскурсию в полупустой дом Эйба выглядела совершенно нездоровой, но отказывать сейчас было бы жестоко.

– Ну, ладно, – нерешительно сказал я. – Только на минуточку.

Для всех остальных это наверняка был просто вопрос любопытства – узнать, каким стал Эйб после того, как покинул их петлю. Но для Эммы – очевидно нечто большее. Я знал, что с самого прибытия во Флориду она думает о моем дедушке. Долгие годы она пыталась представить себе, как и где он живет, собирая картинку его жизни в Америке по отдельным письмам. Долгие годы она мечтала о том, как навестит его, – и вот, оказавшись наконец здесь, не могла выбросить эту идею из головы. Я прямо чувствовал, как она старается сделать это и снова терпит поражение. Слишком долго она грезила – о нем, об этом месте, и теперь мне было ново и тревожно ощущать, как дедушкин призрак маячит между нами

в самые личные и интимные моменты.

Возможно, увидев место, где он жил – и умер, – она наконец сможет даровать прошлому покой.

* * *

Я уже много месяцев не был дома у дедушки – с тех пор, как мы с папой уехали в Уэльс. С тех давних времен, когда я еще ничего не знал.

Из всех сюрреалистических эпизодов, случившихся с того момента, когда ко мне в гости вдруг завалились друзья, ни один не был больше похож на сон, чем вот эта поездка по извилистой дороге через сонную дедушкину деревню в одной машине именно с теми людьми, на поиски которых дед меня и отправил. Как мало здесь все изменилось! Тот же охранник пропустил нас через ворота – физиономия его была призрачно-белой от солнцезащитного крема. Те же газонные гномики, пластмассовые фламинго и ржавеющие почтовые ящики в форме рыбы. И дома за всем этим – совершенно одинаковые, как ячейки в коробочке с выцветшей пастелью. Те же угловатые привидения медленно раскатывали на своих ортопедических трехколесных велосипедах между площадкой для шафлборда и общественным клубом. Словно и это место тоже застряло во временной петле.

Может быть, это-то дедушке в нем и нравилось.

– Какое скромное местечко, – заметил Миллард. – Нико-

му бы и в голову не пришло, что тут живет знаменитый охотник на пустóт, это уж точно.

– Уверена, он его специально выбрал, – сказала Эмма. – Эйбу приходилось держаться незаметно.

– Пусть даже и так, но я ожидал чего-то более… величественного.

– А я считаю, что тут мило, – сказала Оливия. – Маленькие домики, и все в один ряд. Жалко только, что после всех этих лет, когда мы ждали возможности нанести Эйбу визит, некому больше выйти нам навстречу.

– Оливия! – прошипела бдительная Бронвин.

Оливия поглядела на Эмму и понурилась.

– Все в порядке, – легко сказала Эмма, но тут я поймал ее взгляд в зеркале заднего вида, и она быстро отвела глаза.

Уж не для того ли она захотела приехать сюда, чтобы доказать мне что-то? Что она пережила это чувство и старые раны больше не болят?

А потом я завернул за угол, и перед нами оказался дом – невзрачный, как обувная коробка, в самом конце заросшего тупика.

Вдоль всей Морнингберд-лейн дома выглядели какими-то слегка заброшенными – большинство соседей уехали на север на лето, – но дом Эйба казался хуже всех: газон совершенно зарос, крыша начала желтеть и осыпаться по краю. Соседи вернутся осенью и обнаружат, что Эйб покинул их навсегда.

– Ну, вот и он, – сказал я, сворачивая на подъездную дорожку. – Самый обычный дом.

– А как долго он здесь жил? – спросила Бронвин.

Я уже собирался ответить, но тут меня отвлекло кое-что незнакомое, до сих пор успешно не попадавшееся мне на глаза: табличка «Выставлено на продажу», воткнутая в траву. Я вылез из машины, пересек двор, вытащил знак и швырнул его в канаву.

Никто мне ничего не сказал.

Ну, еще бы они сказали: я бы устроил скандал, а родители явно не хотели разбираться еще и с этим. Мои эмоции были для всех той еще проблемой. Сзади подошла Эмма.

– Ты в порядке?

– Это я должен тебя спрашивать, – возразил я.

– Со мной все в порядке. Это ведь просто дом, так?

– Так. И я не понимаю, с какой стати мне так противно, что родители решили его продать.

Она обняла меня со спины.

– Не надо ничего объяснять. Я понимаю.

– Спасибо. А я пойму, если ты захочешь отсюда уехать. В любой момент, только скажи.

– Со мной все будет хорошо, – сказала она и добавила совсем тихо: – Но все равно спасибо.

Сзади произошла какая-то суета: обернувшись, мы увидели, что Бронвин и Оливия стоят возле кузова машины.

– Там что-то есть, в багажнике! – закричала Бронвин.

Мы подбежали к ним. Приглушенный голос что-то вопил. Я нажал кнопку на брелке, и кузов открылся.

Оттуда выглянул Енох.

– Енох! – воскликнула Эмма.

– Что ты здесь делаешь? – возмутился я.

– Ты правда думал, что я останусь дома? – он заморгал, ослепленный внезапным солнцем. – Тогда подумай еще раз.

– Ну, ты даешь, – покачал головой Миллард. – Иногда это уже ни в какие ворота не лезет.

– Да, нередко моя прозорливость захватывает людей врасплох.

Енох выкарабкался на подъездную дорожку и немного растерянно огляделся.

– Так, погодите. Это не магазин готового платья.

– Боже, да он и правда гений! – восхитился Миллард.

– Вообще-то это дом Эйба, – сообщила Бронвин.

У Еноха отвалилась челюсть.

– Что?! – он поднял бровь и со значением поглядел на Эмму. – И чья же это была идея?

– Моя, – сказал я, надеясь задушить неуклюжий разговор на корню.

– Мы приехали принести дань уважения, – пояснила Бронвин.

– Ну, раз ты так говоришь, – согласился Енох.

Ключей от дома я с собой не взял, но это было и неважно: запасной ключ был спрятан в огороде под раковиной – о

нем знали только дедушка Портман да я. Было что-то такое, очень уютное, в том, чтобы найти его там, где ему и полагалось быть.

Я открыл парадную дверь, и мы вошли внутрь.

Большую часть лета кондиционер здесь явно не работал: воздух внутри оказался горячий и затхлый. Но еще хуже температуры оказалось открывшееся нам зрелище. Одежда и бумаги были свалены шаткими кучами на полу, домашняя утварь – разбросана по всем поверхностям, мусор извергался наружу из пирамиды мешков в углу.

Папа с тетей так и не закончили разбирать дедушкины вещи. Папа забросил это дело, а с ним и дом, когда мы отчалили в Уэльс, и просто воткнул снаружи табличку о продаже, в надежде, что кто-нибудь другой сделает все за него. Внутри дом был больше похож на разграбленный склад Армии спасения, чем на жилище почтенного старика. Меня захлестнуло волной стыда. Захотелось сразу начать извиняться, объясняться и наводить порядок, словно был еще шанс спрятать то, что друзья и так уже увидели.

– Ого, – сказал Енох, оглядываясь по сторонам и щелкая языком. – Должно быть, скверно он жил в последнее время.

– Нет… – принялся запинаться я, зачем-то хватая стопку старых журналов с сиденья дедушкиного кресла. – Тут… тут никогда не было… – так. По крайней мере, пока он был жив.

– Джейкоб, погоди, – сказала Эмма.

– Ребята, может, вы подождете минутку на улице, пока я

тут…

– Джейкоб! – она поймала меня за плечи. – Стоп!

– Я быстро, – не унимался я. – Он так не жил. То есть он не так жил, клянусь.

– Я знаю, – сказала Эмма. – Эйб бы даже завтракать не сел, не надев чистую рубашку с новым воротничком.

– Вот-вот! – поддакнул я. – И поэтому…

– Мы хотим помочь.

Енох скорчил рожу:

– Что, правда?

– Да! – воскликнула Оливия. – Мы все присоединимся.

– Согласна, – вставила Бронвин. – Нельзя все тут вот так оставлять.

– Да почему нет-то? – возмутился Енох. – Эйб уже умер. Кому какое дело, чисто ли у него в доме?

– Нам, – отрезал Миллард, и Енох отшатнулся, словно тот его толкнул. – А если ты помогать не собираешься, иди и запрись обратно в багажнике!

– Да! – крикнула Оливия.

– Не надо так злиться, ребята, – Енох взял из угла швабру и покрутил ею. – Видали? Я в деле. Шух, ш-шух!

Эмма хлопнула в ладоши.

– Тогда давайте приведем это место в порядок.

И мы принялись за работу.

Эмма была главной: она раздавала приказы, как заправский сержант по строевой подготовке – наверняка это не да-

вало ее мыслям разбредаться по дому со всем его прошлым.

– Книги – на полки! Одежду – в шкафы! Мусор – в ведра!

Одной рукой Бронвин подняла мягкое кресло Эйба над головой:

– А вот это куда?

Мы мели и вытирали. Распахнули окна настежь, чтобы впустить свежий воздух. Бронвин выволокла ковры размером с целую комнату на двор и выбила из них тонну пыли, всё – сама. Даже Енох, казалось, уже ничего не имел против работы, стоило только начать.

Все здесь было покрыто пылью и грязью – они оседали на руках, на волосах, на одежде, но никто, казалось, не возражал. Мы работали, а передо мной повсюду вставали призрачные образы дедушки. Вот он в своем клетчатом кресле, читает какой-то шпионский роман. Вот в гостиной, у окна, силуэт на фоне блистательного полудня – просто смотрит на улицу. Почтальона ждет, как сказал бы он сам со смешком. Вот на кухне, склонился над кастрюлей польского жаркого и одновременно рассказывает мне что-то. У большущего стола в гараже – нитки и булавки раскиданы повсюду: летом после обеда вместе со мной делает карты.

– И куда же пойдет наша река? – спрашивает он и протягивает мне голубой маркер. – А как насчет города?

Белые волосы поднимаются, словно завитки дыма, над его головой.

– Может, вот сюда его? – и он чуть-чуть подталкивает мою

руку в ту сторону или в другую.

Закончив, мы с друзьями вышли на веранду, на морской ветерок, промокая мокрые лбы. Енох, конечно, был прав: всем совершенно все равно, что мы тут делали. Это был просто жест – бесполезный, бессмысленный… но вместе с тем полный смысла. Друзья Эйба не смогли прийти на его похороны, и теперь уборка дома стала для них прощанием.

– Вам совсем не обязательно было всем этим заниматься, – сказал я.

– Мы в курсе, – ответила Бронвин. – Но это было приятно. И правильно.

Она открыла газировку, которую мы нашли в холодильнике, сделала долгий глоток, рыгнула и передала бутылку Эмме.

– Жаль только, что остальных здесь не было, – заметила та, глотнув куда меньше. – Надо будет привести их сюда потом, чтобы они тоже могли увидеть дом.

– Но мы же еще не закончили? – голос Еноха прозвучал обиженно.

– Нет, это весь дом, – ответил я. – Конечно, если ты хочешь прибрать еще и двор…

– А как же командный пункт? – подал голос Миллард.

– Что? Какой?

– Ну, знаешь, такая комната, где Эйб планировал атаки на пустóт, получал зашифрованные послания от других охотников и так далее… у него наверняка была такая?

– У него… гм. Нет, не было.

– Может, он тебе просто о ней не говорил? – предположил Енох. – Наверняка он хранил там полно всяких секретов, а ты был слишком маленький и тупой, чтобы понять?

– Я уверена, если бы у Эйба был командный пункт, Джейкоб бы о нем знал, – вмешалась Эмма.

– Да, – согласился я, хотя совершенно не был в этом уверен.

Ведь после того, как дедушка рассказал мне про мир странных людей, я позволил школьной шпане убедить меня, что это просто сказки. Я в лицо назвал дедушку вруном и знал, что ему было больно это слышать. Так что вполне возможно, что секрет такого масштаба он бы мне не доверил – просто потому, что я не доверял ему. Но, с другой стороны, как вообще можно спрятать командный пункт в домике вроде этого?

– А подвал? – спросила Бронвин. – У Эйба наверняка был укрепленный подвал, чтобы противостоять атакам пусто́т?

– Если бы у него было такое место, – сказал я горестно, – тогда его, наверное, не убили бы пусто́ты?

Бронвин обиделась. Ненадолго воцарилось неловкое молчание.

Его прервала Оливия.

– Джейкоб? Это то, что я думаю?

Она стояла у сетчатой двери на задний двор и водила пальцами по длинной, хлопающей на сквозняке прорехе. Во

мне снова вспыхнул гнев на отца: почему нельзя было починить дверь или хотя бы оторвать сетку совсем? Почему она до сих пор болтается тут, словно улика на месте преступления?

– Да, – сказал я вслух. – Здесь прорвалась пусто́та. Но это случилось не в доме. Я нашел его… – я показал на лес. – Там.

Оливия и Бронвин обменялись тяжелым взглядом. Эмма уставилась в пол, разом побледнев. Наверное, это уже было слишком.

– Смотреть там на самом деле не на что, – заторопился я. – Кусты и всякое такое. К тому же не уверен, что смогу найти то место.

Вранье. Я бы его и с завязанными глазами нашел.

– Если бы ты смог хотя бы попытаться… – Эмма посмотрела на меня; ее лоб был нахмурен, челюсти напряглись. – Мне нужно увидеть место, где все произошло.

* * *

Я повел всю компанию через траву высотой по колено к краю тенистого хвойного леса. Показал им, как пробираться сквозь колючий подлесок, чтобы не порезаться о пильчатую пальметту или не застрять в зарослях лиан, а еще – как избегать полян, где вьют гнезда змеи.

По дороге я рассказал им о том, что случилось в тот роковой вечер, поделивший мою жизнь на «до» и «после». Как

перепуганный Эйб позвонил мне на работу. О том, как я опоздал к нему, потому что пришлось ждать, пока меня подвезут, – и как эта задержка то ли стоила дедушке его жизни, то ли спасла мою. Как я нашел разгромленный дом, потом заметил в траве дедушкин фонарик, все еще светивший в лес. Как продирался сквозь черные заросли, совсем как мы сейчас, а потом…

От шороха в кустах все просто взвились в воздух.

– Это просто енот, – сообщил я. – Не бойтесь, если бы поблизости были пусто́ты, я бы уже почувствовал.

Мы обогнули участок подлеска, который выглядел знакомо, но уверенности, что я смогу найти точное место гибели дедушки, у меня не было. Леса во Флориде растут быстро, и с тех пор, как я был тут в последний раз, заросли расползлись и сложились в новую, совершенно незнакомую конфигурацию. Да, насчет «с закрытыми глазами» я, пожалуй, погорячился.

Мы вышли на солнечную прогалину, где подлесок как будто специально утрамбовали.

– Где-то здесь. Вроде бы, – сказал я.

Мы собрались в неровный круг. Настала тишина. А потом один за другим мои друзья попрощались.

– Ты был великим человеком, Абрахам Портман, – начал Миллард. – Странному миру нужно больше таких, как ты. Мы очень по тебе скучаем.

– Это нечестно – то, что с тобой произошло, – сказала

Бронвин. – Жалко, что мы не смогли тебя защитить, как ты защищал нас.

– Спасибо, что прислал Джейкоба, – сказала Оливия. – Если бы не он, нас бы всех уже не было.

– Ну, давайте не преувеличивать, – проворчал Енох, а поскольку он открыл-таки рот, ему пришлось продолжать.

– Зачем ты сделал такую глупость и позволил себя убить? – он коротко хохотнул. – Прости, что всегда был с тобой гадом. Если это что-то меняет, я бы предпочел, чтобы ты был жив.

Потом он отвернулся и совсем тихо добавил:

– Прощай, старый друг.

– Енох, это было так мило, – Оливия положила руку на сердце.

– Вот только не надо заострять на этом внимание, – смущенно буркнул он и двинулся назад. – Я буду в доме, если что.

Бронвин и Оливия посмотрели на Эмму, которая еще ничего не сказала.

– Мне нужно ненадолго остаться одной, если можно, – сказала она.

Девочки несколько разочарованно поплелись вслед за Енохом. Я остался.

Эмма глянула на меня. Я поднял брови. Что, и мне тоже?

– Если ты не против, – робко проговорила она.

– Конечно. Я буду неподалеку. Вдруг тебе что-то понадо-

бится.

Она кивнула.

Я отошел шагов на тридцать, прислонился к дереву и стал ждать.

Несколько минут Эмма стояла там, где я ее оставил. Я старался не смотреть на нее, но чем дольше шло время, тем пристальнее я следил, не дрожат ли ее плечи, затылок. Потом я отвлекся, глядя на какую-то хищную птицу, описывавшую круги над головой.

В подлеске затрещало. Я опустил глаза: в нашу сторону бежала Бронвин. Я так вздрогнул, что чуть не упал.

– Джейкоб! Эмма! Скорее идите сюда!

Эмма подняла голову и кинулась к нам.

– Что случилось? – воскликнул я.

– Мы кое-что нашли, – выдохнула Бронвин. – В доме.

Судя по выражению ее лица, это было нечто ужасное. Еще один труп.

Но ее голос был полон восторга.

* * *

Все стояли в комнате, отведенной Эйбом под кабинет. Старый персидский ковер, простиравшийся почти от стены до стены, был скатан и отодвинут в сторону, открывая бледный потертый пол.

Мы с Эммой запыхались от бега.

– Бронвин говорит… вы что-то нашли.

– Я решил проверить нашу теорию, – объяснил Миллард. – Так что пока вы двое прохлаждались в лесу, я попросил Оливию прогуляться по дому.

Та действительно сделала несколько шагов: свинцовые ботинки тяжело грохотали каждый раз, как ее нога опускалась на доски.

– Вообразите мое удивление, когда она прошла через эту комнату. Оливия, покажешь?

Оливия протопала через всю комнату. В самой середине звук ее шагов стал более гулким – и металлическим.

– Там, внизу, что-то есть! – сказал я.

– Какая-то пустота. Полость, – ответил Миллард.

Я услышал, как его колено легонько стукнулось о доски, а потом над полом острием вниз завис нож для писем. Он воткнулся между двумя досками, и, слегка крякнув, Миллард поднял секцию пола примерно в три квадратных фута.

Она качнулась на петлях и открыла металлический люк, в который как раз мог бы пролезть взрослый человек.

– Охренеть!

Оливия неодобрительно посмотрела на меня. Я редко ругался при них, но сейчас это было… натурально, «охренеть».

– Дверь, – сказал я.

– Скорее, крышка люка, – сказала Бронвин.

– Ненавижу напоминать, – сказал Миллард, – но *я же вам говорил*!

Дверь была из тускло-серой стали. У нее была утопленная ручка и панель с цифрами.

Я встал на колени и постучал костяшками по металлу. Судя по звуку, люк был толстый и прочный. Потом я, конечно, попробовал повернуть ручку, но она не поддалась.

– Заперто, – подтвердила Оливия. – Мы уже пытались открыть.

– Какая тут комбинация? – с интересом спросила у меня Бронвин.

– Откуда я знаю?

– А я вам говорил, что он не знает, – вставил Енох. – Ты вообще не очень много знаешь, да?

Я вздохнул.

– Дайте подумать секунду.

– Может, это чей-то день рожденья? – предположила Оливия.

Я попробовал несколько: мой, Эйба, папы, бабушки, даже Эммы – но ни один не сработал.

– Никакой это не день рожденья, – заметил Миллард. – Эйб бы никогда не сделал шифр настолько простым.

– Мы даже не в курсе, сколько цифр в комбинации, – сказала Эмма.

– Давай, Джейкоб. *Думай*, – Бронвин сжала мне плечо.

Я постарался сосредоточиться, но уязвленные чувства имели на меня свои виды. Мне всегда казалось, что ближе меня у Эйба никого нет. Как же так вышло, что он никогда

даже не упоминал, что у него в полу кабинета тайный люк? Он полжизни прожил в тени и никогда по-настоящему не пытался открыться мне. Нет, он, конечно, рассказывал всякие истории, слишком похожие на сказки, и показывал парочку старых фотографий, но он никогда со мной ничем не делился. Мне бы и в голову не пришло сомневаться в его рассказах, если бы он хоть *немного больше* попытался убедить меня в том, что они правдивы, – ну, хотя бы показать люк в тайную комнату.

Я ведь, в отличие от отца, *хотел поверить*.

Неужели его так расстроило мое скептическое отношение, что он решил вообще ничего мне не рассказывать? Нет, этого не может быть. Скажи он мне всю правду, я бы любой ценой сохранил его секреты. Наверное, под конец жизни он молчал просто потому, что не доверял мне. А я тут пытаюсь угадать комбинацию двери, о которой он мне никогда не говорил, потому что за ней скрыты тайны – которые мне никогда не предназначались. Чего я с ума-то схожу?

– Нет у меня идей, – сказал я и встал.

– И ты вот так сдашься? – не поверила Эмма.

– Кто знает, может, это просто погреб для консервов.

– Ты же сам знаешь, что нет.

Я пожал плечами.

– Бабушка очень серьезно относилась к домашним заготовкам.

Енох разочарованно вздохнул.

– Может, ты специально его от нас скрываешь.

– Чего? – я даже повернулся к нему.

– Я вот думаю, что ты знаешь комбинацию, но решил сохранить все тайны Эйба для себя одного. Несмотря на то, что люк нашли *мы*.

Я свирепо шагнул к нему. Между нами тут же ввинтилась Бронвин.

– Джейкоб, успокойся! Енох, заткнись! Ты ему не помогаешь.

Я показал ему средний палец.

– Да кому вообще интересно, что там у Эйба в этой пыльной яме? – сказал Енох и вызывающе рассмеялся. – Наверняка просто толстая пачка любовных писем от Эммы.

Теперь уже Эмма показала ему палец.

– …ну, или святилище с ее большущей фотографией, а вокруг свечи, свечи… – он даже в ладоши захлопал. – Какой был бы конфуз для вас двоих!

– Иди-ка сюда, я сожгу тебе брови, – предложила Эмма.

– Да забей на него, – посоветовал я.

Мы с ней сунули руки в карманы и отошли к порогу. Он нас совершенно точно достал.

– Ничего я ни от кого не прячу, – тихо сказал я ей. – Я правда не знаю код.

– Понимаю, – ответила она и тронула мою руку. – Я тут подумала… возможно, это и не цифры.

– Но это цифровая панель.

– А что, если это слово? Там на клавишах есть и цифры, и буквы.

Я вернулся к люку и посмотрел: она была права. Под цифрой на каждой клавише было по три буковки, как на кнопках телефона.

– Может, было какое-то слово, очень важное для вас обоих? – высказала догадку Эмма.

– «Э-м-м-а»? – высказал догадку Енох.

Я развернулся к нему.

– Богом клянусь, Енох…

В этот момент Бронвин оторвала его от пола и перекинула через плечо.

– Эй, а ну поставь меня обратно!

– У тебя срочный тайм-аут, – сообщила она и вынесла его вон из комнаты. Енох извивался и выкрикивал невнятные протесты, но вырваться из ее хватки не мог.

– Так вот, как я и говорила, – продолжила Эмма, – возможно, это какой-то ваш с ним общий секрет. Известный только вам двоим.

Я подумал минутку, потом встал на колени у люка. Сперва я попробовал имена – свое, Эйба, Эммы, – но ничего не вышло. Потом – просто наугад – слово «странные».

Ничего. Слишком просто.

– А ведь это может быть даже не по-английски, – сказал Миллард. – Эйб знал еще и польский.

– Может, тебе стоит поспать? Утро вечера мудренее, –

сказала Эмма.

Но у меня в голове уже все завертелось. Польский. Да, он время от времени на нем говорил, в основном сам с собой. Но меня никогда ему не учил… – кроме одного слова. «*Тигриску*» – прозвище, которое он мне дал. Тигреныш.

Я набрал.

В замке что-то громко клацнуло.

Охренеть.

* * *

За дверью открылась уходящая во тьму лестница. Я поставил ногу на первую ступеньку.

– Ну, пожелайте мне удачи.

– Дай я пойду первой, – Эмма протянула руку, и на ладони расцвело пламя.

– Это должен быть я, – возразил я. – Если там, внизу, какая-то гадость, пусть меня съедят первым.

– Как это по-рыцарски, – вздохнул Миллард.

Десять ступенек и бетонный пол. Тут было градусов на десять-пятнадцать прохладнее, чем в доме наверху. Зато внизу меня ждала непроницаемая тьма. Я вытащил телефон и посветил вокруг. Света хватило только на закругленные стены из серого бетона. Я был в туннеле, клаустрофобически узком и таком низком, что приходилось пригибаться. Телефон светил слишком слабо, чтобы разглядеть, что там, впереди,

или как далеко тянется туннель.

– Ну, что? – спросила сверху Эмма.

– Чудовищ нет, – ответил я. – Но побольше света мне бы не помешало.

Рыцари… они всегда так.

– Никуда не уходи, – велела Эмма.

– Мы тоже идем! – подала голос Оливия.

И вот тогда-то, пока мои друзья лезли вниз по лестнице, до меня дошла простая истина: дедушка действительно хотел, чтобы *я нашел это место*.

Тигриску. Дорожка из хлебных крошек через лес… Открытка от мисс Сапсан, которую он специально засунул в тот томик Эмерсона.

Эмма спустилась и зажгла пламя в ладони.

– Ну, – сказала она, глядя вперед. – Это точно не погреб для домашних заготовок.

Она подмигнула, я улыбнулся в ответ. С виду она была холодной и собранной, но наверняка играла: лично у меня каждый нерв так и звенел от напряжения.

– Можно я тоже спущусь? – подал голос Енох. – Или я до сих пор наказан за чувство юмора?

Бронвин как раз преодолела последнюю ступеньку.

– А ты стой, где стоишь, – распорядилась она. – На случай, если кто-то придет. Мы не хотим, чтобы нас тут застали врасплох.

– На случай если кто придет? – осведомился он.

– Кто угодно, – отрезала Бронвин.

Мы встали за Эммой.

– Идем медленно, ушки на макушке на случай непредвиденного, держим себя в руках, – она вытянула руку с огнем на ладони вперед. – Мы не знаем, что там, впереди. Вполне возможно, Эйб заминировал это место.

Пригнувшись и шаркая ногами по полу, мы двинулись вперед. Я пытался определить наше местоположение относительно дома наверху и с учетом направления туннеля. Футов через двадцать-тридцать мы, скорее всего, прошли прямо под гостиной, через сорок покинули пределы дома, а через пятьдесят почти наверняка очутились под передним двором.

Наконец туннель завершился дверью – такой же тяжелой, как люк в полу, но зато слегка приоткрытой.

– Эй? – позвал я в проем; от звука моего голоса Бронвин так и подскочила.

– Прости, – сказал я ей.

– Ожидаешь там кого-нибудь встретить? – поинтересовался Миллард.

– Нет. Но кто его знает.

Эмма шагнула через порог и посветила в разные стороны.

– Кажется, тут безопасно, – сообщила она. – А вот это, может, даже работает…

Она щелкнула выключателем на стене, и на потолке зажегся ряд флуоресцентных ламп.

– Ух ты! – сказала Оливия. – Так-то лучше.

Эмма закрыла ладонь, пламя погасло. Мы набились в комнату вслед за ней. Я медленно огляделся, жадно рассматривая обстановку.

Комната была невелика – футов двадцать на пятнадцать, – но тут хотя бы можно было выпрямиться во весь рост. Тщательно организованное пространство – очень в духе дедушки. Вдоль одной стены стояли две двухэтажные металлические койки; на каждой – туго свернутые простыни и одеяла, закатанные в пластик. К стене привинчен большой шкаф. Эмма открыла его – внутри оказались всевозможные припасы: фонарики, батарейки, инструменты и достаточно консервов и концентратов, чтобы протянуть несколько недель. Плюс большая синяя бочка с питьевой водой и рядом – какая-то странная пластмассовая коробка, в которой я по картинкам из журналов в гараже Эйба (издающихся специально для тех, кто собирается выжить после конца света) узнал химический туалет.

– Ой, поглядите на это! – воскликнула Бронвин: она стояла в углу, приникнув к спускавшейся вертикально с потолка металлической трубе. – А я вижу то, что снаружи!

Из основания трубы торчали ручки и окуляры. Бронвин подвинулась, чтобы я тоже мог посмотреть: моим глазам предстала слегка размытая картинка тупика возле дома. Я взялся за ручки, повернул трубу, и картинка поехала вбок, чтобы через секунду показать мне дом, частично скрытый

высокой травой.

– Это перископ, – сообщил я. – Спрятан на краю двора, скорее всего.

– Чтобы можно было увидеть, когда нападут, – тихо добавила Эмма.

– Да что это за место такое? – воскликнула Оливия.

– Убежище на случай атаки пусто́т, – пояснила Бронвин. – Кровати видите? Это чтобы его семья тоже могла спрятаться.

– Это не просто убежище, где можно переждать нападение, – сказал Миллард. – Это штаб.

Его голос доносился от противоположной стены, где обнаружился большой деревянный стол. Почти всю поверхность занимала причудливая с виду машина, наполовину хромированная, наполовину покрытая зеленой эмалью, – похожая на гибрид древнего принтера и факса, с клавиатурой, неуклюже прилепленной спереди.

– С помощью этой штуки он поддерживал связь.

– С кем? – не поняла Бронвин.

– С другими охотниками. Глядите, вон пневматический телепринтер.

– Ого, – Эмма подошла поближе. – Я его помню. У мисс Сапсан тоже такой был. Интересно, что с ним стало?

– Это была часть системы коммуникации между имбринами, им для этого не приходилось покидать свои петли, – объяснил всем Миллард. – Но, по большому счету, она себя не оправдала. Слишком сложная и слишком легко взломать.

Я едва слушал его, плавая в какой-то дымке. Я пытался осознать тот факт, что все это *годами* было так близко, буквально у меня под ногами, а я даже не подозревал. Я дни напролет играл в траве в двадцати футах над тем местом, где стою сейчас. У меня это никак не укладывалось в голове… Интересно, подумал я, сколько еще *странностей* все время находилось прямо у меня под носом, а я об этом и не подозревал? Еще я подумал про дедушкиных друзей – таких же стариков, которые могли запросто завалиться в гости и проболтать с дедом пару часов на заднем крыльце или в кабинете.

«Я знал его еще в Польше», – сказал Эйб про одного из них. «Боевой товарищ», – представил он другого.

Но кем они были на самом деле?

– Говорите, эта штука для общения с другими охотниками на пустóт? Что вам о них известно? – спросил я.

– Об охотниках? Не слишком много, – сказала Эмма. – Но так и должно быть. Они вели очень скрытный образ жизни.

– А сколько их было, вы знаете?

– Думаю, не больше дюжины, – ответил Миллард. – Но это только предположение.

– Они все умели контролировать пустóт?

Может, где-то есть и другие странные вроде меня? Может, мне удастся их найти?

– О, это вряд ли, – сказала Эмма. – Поэтому-то Эйб и был таким особенным.

– И ты, мастер Джейкоб, – вставила Бронвин.

– Есть одна деталь, которая не укладывается в картинку, – заметил Миллард. – Почему Эйб не спрятался тут, когда пусто́ты пришли за ним в ту ночь?

– Возможно, он просто не успел, – предположила Оливия.

– Нет, – возразил я. – Он знал, что за ним идут. Он позвонил мне в панике за несколько часов до того.

– А может, он забыл код замка?

– Нет, он не выжил из ума, – сказала Эмма.

Было еще одно объяснение, но я не мог высказать его вслух: от одной только мысли о нем у меня ком вставал в горле.

– Он не спустился сюда, – выдавил я наконец, – потому что знал, что я приеду его искать. Несмотря на то, что он просил держаться подальше.

Бронвин в ужасе прижала руку ко рту.

– И если бы он был тут, внизу… а ты в это время там, наверху…

– Он защищал тебя, – договорила за нее Эмма. – Он специально пытался увести пусто́т подальше, в лес.

Ногам вдруг стало тяжело меня держать, и я опустился на одну из коек.

– Ты не мог этого знать, – сказала она, садясь рядом.

– Нет, – я наконец сумел выдохнуть. – Он сказал, что чудовища идут за ним, но я ему не поверил. Он мог бы быть еще жив… но я ему не поверил. Опять.

– Нет. Прекрати это с собой делать, – голос ее прозвучал неожиданно сурово. – Он не сказал тебе всего, и даже части не сказал. Если бы он это сделал, ты бы ему поверил. Так?

– Да…

– Но Эйб любил свои тайны.

– Всегда любил, – подтвердил Миллард.

– Думаю, он любил их даже больше, чем людей вокруг, – продолжала Эмма. – И в конце концов это его и убило. Его тайны. Не ты.

– Возможно, – протянул я.

– Не возможно, а точно, – твердо сказала она.

Я знал, что она права – по большей части. Я злился на деда за то, что он не сказал мне больше… но выкинуть из головы мысль о том, что он мог бы рассказать мне все без утайки, если бы я сам его не оттолкнул, было нелегко. Так что я чувствовал сразу злость и вину, и не мог говорить с Эммой об этом сейчас. Поэтому я просто кивнул.

– Ну… зато мы нашли это место, – сказал я, помолчав. – Одним секретом меньше.

– Может, и не одним, – заметил Миллард, открывая ящик стола. – Возможно, тебя кое-что тут заинтересует, Джейкоб.

Я соскочил с койки и подбежал к столу. В ящике лежала большая картонная папка на металлических кольцах, битком набитая листами бумаги. На обложке было написано: «Журнал операций».

– Ух ты, – сказал я. – Неужели это…

– Именно то, что тут написано, – заключил Миллард.

Остальные сгрудились вокруг, а я осторожно вынул папку из ящика. Она была толщиной в несколько дюймов, а весила никак не меньше пяти фунтов.

– Давай же, скорее! – прошептала Бронвин.

– Не торопите меня, – тихо огрызнулся я.

Я открыл журнал где-то посередине – там оказался машинописный отчет об операции с прикрепленными к нему двумя фотографиями: ребенок в карнавальном костюме на диване и мужчина с женщиной, одетые как клоуны.

TRICK

31 октября 1967 года, Хьюстон, Техас

Зафиксировано сообщение о странном ребенке, пол мужской, возраст около 13 лет, ранее не контактировал, уровень способностей умеренный, беглец, отдан на усыновление. Оперативными сотрудниками А и Б обнаружены две твари, выдающие себя за сотрудников службы усыновления и использующие объект как

приманку для имбрин. Работают в паре с пустото́й, количество – одна. Контакт состоялся во время местного парада по случаю Хеллоуина. Неприятель отделен от толпы и окружен. Пустота́ убита выстрелом из арбалета. Тварям удалось скрыться. Мужчина ранен в ногу, женщина невредима. Твари предположительно перемещаются под псевдонимами Джо и Джейн Джонсон. Без маскировки не выходят.

Результат: объект изъят, безопасно доставлен в петлю А-57 близ Марфа, Техас, передан на попечение мисс Апфель 10 ноября 1967 года.

Я прочитал отчет вслух. Он был написан, сухим, лишенным эмоций, почти юридическим языком. Операция заключалась в том, чтобы спасти особенного ребенка от тварей и пусто́ты и доставить в безопасную петлю.

Я перевернул еще несколько страниц: сплошь такие же отчеты, уходящие по времени назад, аж в пятидесятые, а потом закрыл папку.

– Вы же понимаете, что все это значит, правда? – спросил Миллард.

– Эйб не только разыскивал и уничтожал пусто́т, – сказала Бронвин.

– Именно, – кивнул Миллард. – Он еще и спасал особенных детей.

Я поглядел на Эмму.

– Ты знала?

Она опустила глаза.

– Он никогда не говорил про свою работу.

– Но спасение странных детей – это работа имбрин, – нахмурилась Оливия.

– Да, – сказала Эмма, – но если твари пользовались детьми как наживкой, как сказано в этом отчете… возможно, имбринам было не под силу с этим справиться.

Я в это завис, думая о совершенно другой детали, но решил пока что о ней не говорить.

– ЭЙ! – заорал кто-то с порога двери.

Мы все подскочили и возмущенно воззрились на Еноха.

– Я тебе сказала не спускаться сюда! – прорычала Бронвин.

– А чего ты хотела? Вы меня одного на целую вечность оставили! – Енох шагнул в комнату и огляделся по сторонам. – И что, весь шум из-за этого? Выглядит как тюремная камера.

– Уже почти шесть, – Эмма поглядела на часы. – Пора возвращаться.

– Остальные нас убьют, – поежилась Оливия. – Нас не было полдня, а новую одежду мы так и не купили.

Мне вспомнилось обещание мисс Сапсан. Перед наступлением ночи она собиралась мне что-то показать… до этого времени оставалась всего пара часов. Сказать по правде, теперь мне было все равно, что она там собирается показывать. Мне хотелось только одного – добраться поскорее домой, закрыться у себя в комнате и прочесть дедушкин «Журнал» от

корки до корки.

* * *

Когда мы вернулись домой, солнце как раз опустилось за кроны деревьев. Оставленные дома друзья громко стенали и жаловались на наше долгое отсутствие.

У меня до сих пор голова шла кругом от всех сделанных за сегодня открытий – я был совсем не готов их еще с кем-то обсуждать и быстренько выдумал историю про то, как нас задержала спустившаяся шина, которую Эмме пришлось латать там же, на месте, плавленым дорожным асфальтом. Все нас быстро простили.

Мои родители уехали. Они собрали вещи и отправились путешествовать по Азии. На кухонном столе я нашел записку маминым почерком. Они будут ужасно по мне скучать, говорилось в ней, в любой момент они доступны по телефону и электронной почте, и пусть я не забуду заплатить садовникам. По небрежному легкому тону записки – любим тебя, Джеки! – я понял, что мисс Сапсан проделала великолепную работу, стирая последние несколько месяцев тревоги за меня из их памяти. Их явно ничуть не беспокоило, что у меня будет нервный срыв или я могу сбежать, пока их не будет дома. Казалось, им теперь вообще не было до меня особого дела. И это было отлично. По крайней мере, дом теперь принадлежит нам.

Мисс Сапсан, однако, нигде не было видно. Она ушла сразу после нас и с тех пор не показывалась, доложил Гораций.

– А она сказала, куда идет? – спросил я.

– Нет. Сказала только, что мы должны встретиться с ней ровно в семь пятнадцать в садовом сарае на заднем дворе.

– В садовом сарае?

– Ровно в семь пятнадцать.

Значит, у меня еще час свободного времени.

Я забился к себе в комнату, поставил на проигрыватель альбом «IV» «Лед Зеппелин», который слушал всегда, когда нужно было как следует сосредоточиться, потом забрался на кровать с дедушкиным «Журналом», раскрыл его и углубился в чтение.

Не успел я прочесть и страницы, как Эмма просунула голову в дверь. Я пригласил ее присоединиться.

– Нет, спасибо, – возразила она. – На сегодня с меня достаточно Эйба Портмана.

И ушла.

В журнале было много сотен страниц, охватывающих несколько десятилетий. Большинство записей были похожи на ту, что я прочел в бункере: не слишком много деталей, еще меньше эмоций, часто в сопровождении фото или еще каких-то визуальных свидетельств. На то, чтобы ознакомиться со всеми материалами, у меня ушли бы недели, так что, имея в распоряжении час, читать придется по диагонали. Но и этого оказалось достаточно, чтобы составить себе пред-

ставление о дедушкиной деятельности в Америке.

Обычно он работал в одиночку, но не всегда. В некоторых записях встречались упоминания и других охотников, он называл их всего одной буквой – Эф, Пи, Ви. Но чаще всего – Эйч.

Эйч и был тот человек, которого видел мой папа, – если, конечно, его частично стертой памяти можно было доверять. Если Эйб достаточно доверял Эйчу, чтобы познакомить с ним сына, тот, скорее всего, был важной птицей. Так кто же он был такой? Какова была структура организации? Кто давал им задания?

Каждая новая деталь лишь умножала вопросы.

Вначале их работа почти целиком сводилась к выявлению и уничтожению пустóт. Но с годами дедушка все больше занимался поисками и спасением странных детей. Это было, конечно, очень круто, но вопрос Бронвин никак не шел у меня из головы: разве не имбринам полагалось этим заниматься? И если да, то что мешало американским имбринам выполнять свою работу?

Может, с ними было что-то *не так*?

Записи начинались в 1953 году и резко обрывались в 1985-м. Почему? Может, где-то есть еще один «Журнал операций», который мы еще не нашли? Или в 1985 году Эйб отправился на покой? Или что-то в странном мире изменилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.